

Харламов Александр

18+

Планета Тивит

Приключения Дворкина

Александр Харламов

Планета Тивит

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Харламов А.

Планета Тивит / А. Харламов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Журналистка Яна Красовская находит в своей квартире дневник известного художника Митусова и в тот же вечер пропадает из собственной закрытой квартиры, не оставив никаких следов. Дворкин с женой Светланой и ведьмой Агриппиной срочно начинают поиски. Куда исчезла верная подруга? Как это связано с таинственной планетой Тивит и давно умершим уличным художником? На этот раз нашему герою предстоит вступить в схватку с настоящим злом, ведь в похищении подозревают самого сатану.Изображение для оформления обложки книги взято с сайта [pixabay](http://pixabay.com).

© Харламов А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	6
1	10
2	13
3	17
4	21
5	23
6	27
7	34
8	36
9	40
10	44
11	48
12	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Все события и герои вымышлены.

*От начала и до конца это все лишь плод авторского
воображения.*

Пролог

1999 год

Небритый мужчина сидел на корточках у стены, сжав свою голову, заросшую длинным кучерявым волосами, ладонями. Он непрестанно раскачивался и что-то шептал. Медсестра прислушалась, с опаской поглядывая за ним из-за решеченного окошка.

– Век. Вак... Господи, прости меня! Век... Это просто век... Как... Ленин... Идти вперед... Счастье...

Набор фраз и ничего больше... Все, как обычно. Только теперь еще больше в голосе пациента первой психиатрической больницы города Харькова слышалось надрыва, почти паники. Крупные слезы текли по его лицу. Он продолжал бормотать. Упал на холодный пол.

– Век! Вак! Почему?

Полина только недавно устроилась работать в это отделение для буйно помешанных. Ей говорили, что этот пациент особенный, но такого она предположить не могла. Все стены его палаты были расписаны непонятными фразами, не связанными между собой. Буквы прыгали, иногда путались, перескакивали одна на другую.

– Век. Вак! – прокричал мужчина. Боль скрутила его пополам. Глаза полезли из орбит, и его вырвало.

– Вот, черт! – ругнулась Полина, нажимая тревожную кнопку вызова санитаров.

Из соседней комнаты появились два дюжих молодца, по выражению лиц, которых можно было и их уверенно определять в пациенты клиники, но никак не в медицинский персонал. Один из них Василий, даже пытался за ней приударить, дарил чахлые букетики ромашек, сорванных на клумбе в обширном парке, где прогуливались по хорошей погоде небуйные больные, помогал провести уборку поста перед сдачей смены, да жадно глядел на туго обтянутый халатом зад. Никаких шансов она ему, конечно, не давала, но цветочки стояли в вазе, а сама она старалась не то, чтобы поощрить санитаря, но немного попользоваться таким вниманием.

– Что случилось? – уточнил напарник Василия костолом Гриша, засучивая рукава явно маленького ему халата.

– Вон, посмотрите! – кивнула Полина на камеру, где сидел больной. – Кричит что-то непонятное. Воеет, как зверь раненный! Сейчас упал, калачиком свернулся. Жуть берет, когда слышишь эту белиберду!

– А... – почти радостно протянул, потирая руки Григорий. – Это Олежек наш! Ты его не бойся! Он совсем того... Как только краски кончаются, он истерить начинает! Сейчас мы ему красок дадим, он и успокоится, – Гриша вернулся к санитарам, оставив их с Василием одних.

– Полин... – начал неловко мужчина, попытавшись взять медсестру за руку, но та ловко вывернулась, сделав вид, что не заметила этого движения. Схватила какой-то журнал и стала там быстро что-то писать ручкой, бросив короткий взгляд на часы.

– Это зачем? – не понял Василий.

– Все резкие ухудшения состояния пациентов мы заносим в этот журнал, чтобы утренняя смена врачей, которая придет на работу, смогла точнее поставить диагноз, – медсестра включила лампу, и в этот момент появился в конце коридора Гриша. В его могучих руках были обычные самые дешевые акварельные краски и вода в пластиковой бутылке.

– Сейчас мы ему их отдадим... – проговорил санитар, отпирая тяжелый навесной замок палаты. – Олежек и успокоится...

– А краски у вас, откуда? – нахмурилась Полина.

– Так мать его, нам каждую субботу приносит! Говорит, что без этой фигни, – Гриша кивнул на разукрашенные разными надписями стены, – совсем ее буйный сынок загнетса. Да

и Матвей Данилович, главврач наш разрешает...Эй, Олежек! – громко позвал пациента санитар. – Смотри, что тебе дядя Гриша принес!

Он, явно дразня, покрутил в руках набор акварельных красок и бутылку с водой. Сумасшедший мгновенно затих, заморгал глазами из-под густо наросших бровей. Протянул руку вперед, шевеля губами еле слышно.

– Чего? – рассмеялся Гриша. – Ничего не слышу!

– Век. Вак! – более отчетливо пробормотал пациент.

– Нее... – протянул недовольно санитар, делая вид, что прячет краски обратно. – Я твоего попугайского языка не понимаю. Ты мне по-человечески скажи...Гриша, дай краски!

– Любовь...Вера...Уже...Конец...Мир...Ложь... – из глаз расстроенного сумасшедшего снова полились слезы. Он тянул вперед руку, умоляя помочь на единственном ему понятном языке. Полине стало, его жаль.

– Отдай краски! – рявкнула она, пытаясь вырвать их из лап Григория.

– Пусть попросит хорошенько! – улынулся зло санитар. – Мы с Васькой его и ползать иногда на коленях заставляем...И песни петь на своем языке. То-то смеху...

– Отдай, я сказала! – почти прокричала Полина, чувствуя, как в ней закипает злость.

– Олежек, а ну-ка собачку нам покажи? – Григорий покрутил перед глазами сумасшедшего красками. – Гав-гав! Не ленись! Ты же хочешь рисовать дальше свои каракули на стенах?

– Отдай! Иначе, я расскажу все главврачу! – применила последний аргумент Полина.

– Ладно, Гринь... Чего ты, в самом деле? – потупил глаза Василий, решивший проявить себя джентльменом. Хотя Полина сомневалась в том, что это мордатый санитар вообще знаком с этим словом. – Отдай придурку краски, пусть дальше малюет Малевич!

Вася забрал акварель у своего напарника и отдал психу, лицо которого неожиданно озарилось такой счастливой улыбкой, что Полине на миг он показался и не сумасшедшим вовсе, а вполне себе милым мужчиной, который просто перестал за собой ухаживать, будучи в командировке или на необитаемом острове. Она радостно улыбнулась, запирая дверь обратно, а напоследок предупредила его, что если кончится вода, то пусть постучится ей в дверь, и она ему наберет еще.

– Век. Вак! – важно согласился с ней псих, устремив все свое внимание на акварели.

– Зря ты так с ними... – покачал укоризненно головой Васек. – Гришу, вот, обидела... Он же тебя развлечь хотел! Шоу показать! – второй санитар, как только краски оказались у больного, тут же скрылся в своей подсобке.

– Издеваясь над больными людьми? – возмутилась Полина. – Нет уж... увольте!

– Да люди ли они?! – округлил глаза Василий. – Ты посмотри на них! Хотя бы на этого! Что это за человек, если он слова ясного произнести не может, только по-своему квакает что-то... Век. Вак! – передразнил пациента санитар. – Чего их жалеть? Лучше меня пожалела бы, а? Сохну ведь по тебе... – его руки скользнули по спине Полины и опустились ниже поясицы, крепко сжали ягодицы. – Может мы это... – вторая рука его быстро метнулась к ее груди и больно сдавила сосок.

– Да пошел ты! – медсестра от всей души вlepила санитару пощечину. Ладонь мгновенно обожгло, а на скуле Василия моментально запылала алая полоса от удара. Кулаки его несколько раз рефлекторно сжались, но он удержался.

– Зря ты так... – покачал он головой, потирая ушибленную скулу. – Видать не сработаемся мы с тобой, Поляночка... Зря...

– Да пошел ты! – повторила медсестра. – А будешь еще лезть, так вообще главврачу пожалуюсь! Уволит тебя с работы и вся недолга.

Санитар медленно развернулся и двинулся по коридору. Девушка потрогала грудь. Крепкие мужские пальцы чуть не раздавили предмет ее тайной гордости. Сосок болел. Она поморщилась и решила посмотреть на пациента, из-за которого и произошел весь этот конфликт.

Больной сидел у стены что-то увлеченно писал указательным пальцем. Рядом с ним стояли разведенные краски. Бородатое лицо озаряла счастливая улыбка. Полина пригляделась внимательнее к буквам.

– Счастье мое. Я здесь. И я тебя жду.

Странно... Он оказывается еще и романтик. Буквы были корявыми, напоздали одни на другие, а псих увлеченно их выводил, будто на уроке по чистописанию. Как мало человеку нужно для счастья? Ухмыльнулась медсестра, закрывая зарешеченное оконце, через которое буйным пациентам подавали пищу и необходимые для постоянного приема лекарства. Тусклый свет лампы скупо освещал узкий побеленный до половины коридор. Синие больничные стены скрывались где-то в полумраке ночи.

– Век. Вак! – донеслось из-за двери совершенно удовлетворенное.

Полина села за свое рабочее место. Открыла журнал, но тут же его вернула на место. Заниматься работой совершенно не хотелось. Девушка косо поглядела на лежащую рядом книжку какого-то бульварного писателя, купленную по случаю на Балке. На обложке разворачивались поистине мексиканские страсти, роковые красотки, дорогие иномарки и даже блестел вороненым стволом настоящий пистолет. Она лениво пролиستала начало: *«Один бандитов достал из-за пояса наган и выстрелил в Марианну. Девушка пошатнулась. На ее губах выступила кровь. Сквозь боль она прошептала своему любимому...»*

Бред! Полина захлопнула книгу обратно и посмотрела на часы. Почти полночь. Большинство обитателей психиатрической больницы номер один города Харькова уже видят десятый сон. Одна она почему-то не спит! Может вздремнуть? Полина положила голову на скрещенные на столе руки и почти мгновенно уснула, проваливаясь в какую-то непонятную глубокую черноту. Настолько глубокую, что совсем не расслышала, как скрипнула дверь палаты, где находился художник Олег. На пороге появилась его изможденная фигура в полосатой пижаме, измазанной красной краской. Бородатый мужчина взглянул на девушку. Та, мирно спала, даже не пытаясь поднять тревогу, бросил короткий взгляд по сторонам и двинулся к подсобке, где отдыхали санитары. Он не знал, куда следует идти, его что-то вело. В конце коридора он замер, прислушиваясь к ночной тишине психиатрической больницы. Откуда-то доносился храп, кто-то бормотал что-то невнятное совсем рядом.

– Век! Вак! – худая ладонь с длинными не мужскими пальцами коснулась холодной бронзовой ручки. В замке скрипнуло, шелкнуло. Повеяло холодом. Дверь медленно открылась. В подсобке было темно. На узких кушетках спали Василий и Григорий. Оба громогласно и надрывно храпели, со свистом втягивая в себя воздух. На столе в их изголовье пристроилась початая бутылка водки и нарезанная крупными кусками варенка. Олег тяжело вздохнул и сделал шаг вперед. Никто из санитаров не пошевелился. Только Василий причмокнул губами во сне. Ему снилась Полина в одном халатике, без нижнего белья. Прозрачная белая ткань ничего не скрывала, а лишь подчеркивала соблазнительную фигурку новенькой медицинской сестры. Олег порылся в карманах своей пижамы. Выудил оттуда закрытый футляр из-под акварели. Красная краска была начата. Он с удовольствием мазнул по ней большим пальцем, измазывая его почти до основания.

– Вак! – ухмыльнулся он беззубой улыбкой. За долгие годы, проведенные в клинике, он успел их почти все потерять. Теперь алые десны, выглядывавшие из-под полных розовых губ, выглядели отвратно, если не ужасно.

Гриша у соседней стены пошевелился, застонав, и Олег понял, что надо спешить. Время текло неумолимо быстро, а ему еще надо было вернуться обратно в палату и постараться уснуть, чтобы не вызвать никаких подозрений.

– Вак! – прошептал он, касаясь измазанным в краске пальцем лба Василия. Корявые буквы одна за другой складывались в слово. Сумасшедший не знал, что он пишет, что-то внутри него подсказывало, как необходимо правильно все сделать. Какое слово написать,

какого размера буквы нарисовать... Через пару минут все было кончено. Олег удовлетворенно кивнул и потер руки. Улыбка снова озарило его совсем не похожее на сумасшедшее лицо. Аккуратно ступая, он вернулся в свою палату. Замок в двери тихо щелкнул обратно, и ничто не могло выдать того, что особо опасный псих может беспрепятственно разгуливать по коридору больницы, когда все вокруг ложатся спать. Ничего... Кроме надписей, написанных красной краской, на лбу санитаров Василия и Григория, но и они почти моментально испарились, словно их кто-то стер мокрой тряпкой.

1

Харьков 2019

Я стоял у окна, в пол уха слушая вяло текущий спор Мишки и Эльвиры Олеговны на кухне. Сигарета медленно тлела, а я, грешным делом, совершенно про нее забыл, наблюдая как по двору, меряет лужи моя Дашенька под чутким присмотром Светки. Все-таки хорошо, что мы завели себе второго ребенка..., Мишка совсем уже вырос. Никто ему не указ. Характер явно не мой, и даже не мамин... Да и откуда же ему быть моим, если папка у него совершенно другой. Правда, молва гласит, что кто воспитал, тот и отец, но не в моем случае. Мишаня полная копия своего биологического родителя от кончиков волос до самого скверного характера, который когда-то мне встречался на моем пути. А повидал я много... От Ковена ведьм, которые мало напоминали тех самых добрых фей из мультиков, до Капитула Инквизиции, тоже мало похожих на мальчиков-с-пальчиков. А если вспомнить моих отцов-командиров в учебно-военном центре, да начальника технического отдела на Турбо атоме, разваливающегося прямо на моих глазах индустриального гиганта Украины... Тоже мне агнцы Божии!

Я хмыкнул, прислушивавшись к предмету спора. Эльвира Олеговна в свойственной ей ультимативной манере требовала Мишку в чем-то ей помочь, тот отказывался, собираясь на какие-то посиделки с друзьями. Бабушка обвиняла его в бессердечности, неблагодарности, ну и еще во всех смертных грехах сразу! Подростку было глубоко плевать на такие пространственные рассуждения, и где-то через пару минут я услышал, как хлопнула входная дверь. Все! Фини та ля комедия... Первый акт закончен, но зная свою тещу, могу предположить, что вечером, по приходу блудного внука домой, нас ждет увлекательное продолжение. Уж, такая она у меня... Никогда не может остановиться, особенно, когда ей так нахально перечат и игнорируют. Помню, в первые годы нашей совместной жизни со Светкой мне тоже доставалось, теперь же все дальнбойные орудия артиллерии воспитателя со стажем обратились на неразумного внука.

– Хам! Просто неблагодарный хам! – рявкнула Эльвира Олеговна так, что услышали соседи на первом этаже нашего многоквартирного дома. Рявкнула просто для того, чтобы оставить последнее слово за собой. А не ради продолжения спора. Тем более спорить...

– Дашуля, нельзя! – я резко обернулся на крик жены, чувствуя, как сердце обрывается в пятки. Моя маленькая, совсем крошечная дочурка, на всех порах ринулась навстречу огромному бульдогу, брызжущему липкой слюной в разные стороны. Метрах в десяти от пса бежал его хозяин, кажется, Мишкин ровесник, с оборванным поводком в руках.

– Фредди! – кричал он, испуганно кривя рот. – Фредди, ко мне!

Что за дурацкая кличка? Мелькнуло в голове. Я бы своей собаки такую никогда в жизни не дал. Дашка, шлепая коротенькими ножками и переваливаясь, как медвежонок, оказалась почти у самой раскрытой пасти бульдога. Тот заинтересованно ее обнюхал и оскалился, коротко зарычав.

– А ну, пошел вон! – топнула добежавшая, запыхавшаяся Светлана, но пса этим было не испугать. Он присел на задние лапы. Его короткая шерсть на загривке встала дыбом под строгим ошейником.

– Фредди! – орал паренек, поспешавший следом.

И тут Дашенька, проявила всю свою могучую волю Срединного мага – единственного и неповторимого во всей Вселенной. Она улыбнулась готовому к броску псу и неловко взмахнула ручкой, отчего сама едва не загремела в лужу, но пес вдруг заскулил, поджал купированный хвост и опустил перед дочкой на лапы. Девочка счастливо взвизгнула и погладил его прямо по влажному носу.

– Доченька моя... – Светка подхватила нашего бесстрашного ребенка на руки и крепко прижала к себе. – Ты цела! Ты моя хорошая! Ну зачем же ты полезла к этому страшилищу, а? Он же может укусить! Ай!

Явно перепуганный паренек, виновато опустивший голову, подошел следом.

– А вы, молодой человек, могли бы и получше следить за своей псиной! – укоризненно покачала жена головой, все еще крепко прижимая Дашку к своей груди, которая не понимала, судя по взгляду, ничего. Ну подошла, ну погладила...

– Я извиняюсь! Простите, но поводок порвался, а Фредди такой игривый... – юный собаковод покосился на свою собаку, замершую в одной позе подле их ног, преданно разглядывая дочку.

– Крепче поводки надо покупать. Раз таких опасных собак заводите. Вот напишу в милицию заявление на твоих родителей...

– Света! – позвал я не на шутку разошедшуюся жену.

– А, вон мой муж! Между прочим, знаменитый писатель... – паренек поднял глаза и удивленно открыл рот.

– Сам Дворкин?

– Да, нет... – отмахнулась Светка. – Дворкин – это придуманный персонаж, а он...

– Света! – снова позвал я. Еще не хватало мне с утра до ночи раздавать юным почитателям моего таланта автографы. Помню я, как пришел на родительское собрание к Мишке в школу... Педсовет превратился в балаган с совместными фотосессиями и подписанными книжками. Это было давно, а похвастаться после выхода «Дитя раздора» мне было и нечем... Жизнь устаканилась, текла своим чередом. После всех приключений мне не хотелось ничего другого, но и книг не было... Елена Эрнестовна не настаивала, но по ее красноречивым вздохам в телефонной трубке, я был уверен, что в редакции мой новый бестселлер определенно заждались.

– Да, мы уже идем! – обернулась жена на меня, стоящего на открытом балконе. Дашка уже что-то улюлюкала на своем пока малопонятном языке на ее руках. – И все же будьте, аккуратны с вашим псом... – обратилась она уже к молодому человеку, которой счастливый, что все так хорошо обошлось, уже тащил бульдога куда-то вверх к общагам на Батицкого.

Сигарета дотлела, теща вроде бы утихомирилась, занявшись просмотром очередного сериала. И нет бы, как все нормальные бабушки, любовалась чем-то типа «Санта-Барбары» или «Просто Марией», нет, ей подавай приключения, охоту на вампиров и прочую ерунду, которой нам и в обычной жизни хватает с головой.

Я зашел в квартиру. Впустив с собой облако дыма и свежего утреннего морозца. Эльвира Олеговна на диване недовольно поморщилась, но промолчала, шелкая клавишами в ноутбуке. Светка вернулась с прогулки и пошла раздевать Дашку, а я плюхнулся на кровать, чтобы хотя бы начать писать что-то новенькое... О чем? Про вампиров? Пошло... После Стефании Майер этих вампиров развелось на книжном рынке больше, чем остальной продукции. Так... Зазвонил телефон, брошенный куда-то на огромном кровати пространстве под одеяло. Я пошарил рукой в его поисках и выудил его откуда-то из-под подушки. Как вы думаете кто мне звонил? Ну естественно... Куда же без моей лучшей подруги Красовской, которая немного остепенилась с рождением малыша и уже не носилась по Харькову, сломя голову, в поисках очередного остренького сюжета, за который ей периодически угрожали это самую буйную голову и оторвать.

– Привет! – поздоровалась она, когда я принял звонок.

– Привет, Ян, неужели соскучилась? – улыбнулся я, искренне радуясь звонку старой подруги, помня где-то в душе, что именно с ее звонка и начинались все мои основные приключения.

– Я к тебе с предложением... – начала подруга. – Точнее к вам всем! А если еще точнее, то не с предложением, а приглашением!

– Звучит загадочно! – рассмеялся я. – По-моему, ты теряешь навык русской разговорной речи и стремительно догоняешь своего маленького ребенка!

– Ой, не паясничай! – отмахнулась Красовская. – Сам-то далеко от Дашкиного «агу» ушел? Что-то последнее время нет у нас демонстрации чего-то умного, доброго, вечного, вышедшего из-под пера самого гениального писателя всех времен и народов!

– Ладно, не язви! – закончил я нашу традиционную перепалку. – Что за предложение?

В комнату зашла Света. Вопросительно посмотрела на меня с немым укором. Одними губами я пояснил, что разговариваю с Красовской.

– Привет ей от меня передай! – бросила жена, становясь гладить вещи.

– Привет тебе от Светланы! – сообщил я, включая на громкую связь телефон. – Так что у тебя к нам за предложение?

– Что вы делаете сегодня вечером? – выпалила журналистка.

– Все, как обычно... – ответил я, уже начиная догадываться, что моя неугомонная подруга что-то задумала. – Торжественный ужин с тещей, укладываемся спать...

– Тогда я хочу предложить вам немного другую программу! Как вы смотрите на то, чтобы сегодня вечером отметить наше новоселье?

– Красовская, ты уже давным-давно живешь в своей квартире! Или у тебя настолько сильно алкогольное голодание, что надо придумать повод?

– Нет, дорогой мой! Мы с моим Максимом купили обалденную квартирку в центре города по сходной цене! И готовы уже сегодня вас сегодня туда пригласить! Чтобы отметить это событие торжественным ужином.

Я скосил взгляд на свету, которая укладывала на гладильной доске огромные штабеля пеленок. Поймал ее соглашающийся взгляд и тут же проговорил в трубку:

– Думаю, что Эльвира Олеговна будет не против занять свой вечер Дарьей!

– Боюсь, что выбора-то у него особого и нет! – рассмеялась рядом жена.

2

Харьков

1999 год

Полина проснулась, когда по коридору замерцали солнечные зайчики, пробивающиеся в полумрак коридора через неплотно прикрытые желтые шторы. Говорят, что желтый цвет успокаивает. Ерунда! За почти восемь смен, которые она отработала в психиатрической больнице номер один, ее эти цветочки с розочками на ярко желтом фоне стали нешуточно раздражать. Легко представить, что творится с психикой пациентов, которые на всю жизнь заключены в эти сине-белые стены.

В коридоре было пусто...Смена еще не пришла. Старые настенные часы с кукушкой, доставшиеся клинике, бог знает с каких времен, показывали половину седьмого. Теперь все осмотреть, умыться, дописать журнал приема-сдачи дежурств и домой, спать! Девушка зевнула, сделав глоток остывшего чая, стоявшего рядом в потертой кружке. Сразу стало немного легче. Затуманенный сном мозг слегка прояснился, и медсестра решила осмотреть палаты.

В первых двух все было спокойно. Больные сладко посапывали на старых панцирных кроватях, видя последние перед пробуждением розовые сны. Контингент тут был самый разный. От полных кретинов, воображающих себя чуть ли не Наполеоном, до просто слегка подвинутых от постоянного стресса личностей. Один, правда, закоренелый коммунист, из шестой палаты, почему-то представлялся всем академиком Сахаровым, но и он дремал в уголке, зажав под щекой какой-то монументальный труд из больничной библиотеки.

Пришла очередь палаты со странным художником. Полина легко отворила тяжелую решетку, заглянула внутрь. За ночь новых надписей появилось целых три. Теперь они украшали подоконник и часть стены напротив постели психа. Девушка пригляделась, пытаясь разобрать в этом кавардаке, хотя бы что-то похожее на буквы:

– Мир. Есть. Мы. Верьте в людей. Олег. Мама, – прочитала она. Большие буквы мешались с маленькими, прописные с заглавными. Краска кое-где потекла, но художника это не смутило. Счастливый и полностью удовлетворенный, он лежал на полу рядом с окном, зажав в руках банку с акварелью. Правая рука его была измазана красной краской почти по локоть. Полосатая пижама изобиловала кляксами, но Полина будить его не стала. Пусть дневная смена разбирается и переодевает.

– Василий! Гриша! – громко позвала она коридорных санитаров, когда закончила осмотр. – Идите пить чай!

Ей не хотелось портить отношения с людьми, с которыми в последствии придется работать, тем более из-за какого-то сумасшедшего. Она быстро соорудила на столе завтрак на скорую руку. Нарезала ломтями салтовский батон, рядом уложила на круглую тарелочку немного сыра и колбасы. Времена нынче в Украине были непростые, все тотально дорожало. Мировой кризис широкой поступью шагал не только по миру, но и своими липкими щупальцами добрался до Харькова. Зарплаты остались на прежнем уровне, а вот цены взлетели почти в два раза. Хорошо жили только те, кто умел вертеться, да связи кое-какие остались, а вот Полина вертеться не умела. Да и откуда взяться у круглой отличницы медицинского училища такое умение, когда она несколько лет изучала латынь, да ставила уколы? Вот и пошла по распределению в психушку работать. Благо, платят тут достойно, уход за сумасшедшими, оценивая намного дороже, чем в остальных поликлиниках за вполне себе здоровыми людьми.

– Вась! «Ну, где же вы?» —прокричала она снова. Электрический чайник с носиком-свистком выпустил вверх облако пара, надрывно подав сигнал о своем кипении. – Чай уже готов! Просыпайтесь скорее, а то скоро будет обход!

Ответом ей так и оставалась тишина. Только в первой палате кто-то недовольно что-то уронил. Послышался раздраженный голос. Наполеон... Вспомнила Полина. Как же... Его Величество разбудили. Ухмыльнулась она.

Санитары по-прежнему так в коридоре и не появились. Обиделись... Подумала девушка, направляясь в их каптерку. Постучала. Из-за плотно прикрытой двери не доносилось не звука, если бы два закадычных друга спали, то оттуда бы доносился бы могучий храп. Затаились... Ждут, пока извиняться буду! Со вздохом медсестра нажала на ручку, особо не надеясь, что дверь откроется, но к ее немалому удивлению та поехала в сторону, открывая ей небольшую узкую каморку, выполняющую в обычные дневные часы приема роль процедуры. В углах комнаты стояли узкие кушетки, на которых прикрыв глаза, бессовестно дрыхли два санитар.

– Вот гады! – ругнулась Полина, направляясь к Василию. – Я их зову чай пить. А они тут разлеглись! Давай подниматься, а то главврач придет всем троим выпишет... – девушка дернула за край простыни, которым был укрыт ее санитар, но тот даже не подумал пошевелиться. В полумраке комнаты его крупное лицо выглядело каким-то синим и одутловатым. – Вася... Вася... – медсестра дернула парня за руку, но только тут поняла, что случилось что-то неладное. Волосатая крепкая мускулистая кисть безвольно скатилась вниз, повиснув с кушетки плетью. – Вася... – осторожно проговорила он, догадываясь, что произошло. – Гришка, Вася наш, кажется...

Полина обернулась на своего второго напарника и завизжала от нахлынувшей на нее волны ужаса. Григорий лежал напротив, бессмысленно уставившись в потолок. Лицо его исказила предсмертная судорога, пальцы были крепко сжаты в кулаки. Как и Василий, он был мертв...

– Аааа! – закричала девушка, выбегая из подсобки. – На помощь!

Силы покинули ее на середине коридора. Сердце вдруг прихватило. Стянуло железным жгутом всю левую сторону груди. Она захрипела и стала оседать на грязный, плохо вымытый с ночи пол. Воздуха стало не хватать.

– Только без паники. – прошептала она сама себе. – Нужен телефон...

Кое-как, держась за побеленные стены, ей удалось добраться до своего поста, где зава- ленный отложенными в сторону бумагами стоял дисковый телефон. Одним движением Полина смахнула ненужную ей макулатуру на пол. Быстро, по памяти набрала номер дежурного врача на третьем этаже клиники. Трубку взяли не с первого раза. Она уже начала сомневаться, что в больнице остался кто-то кроме нее живой. Но с пятого гудка, заспанный голос Тамары Николаевны возвестил ей о том, что медсестра все же ошибается.

– Тамара Николаевна, срочно сюда! Тут ЧП!

Заспанная дежурная еще плохо спросонья соображала. Ей пришлось задать еще несколько уточняющих вопросов, чтобы до конца оценить обстановку.

– Кто говорит? Какое ЧП? – спросила она, борясь с желанием положить трубку.

– Это Полина Василенко с пятого этажа! – выдавила из себя девушка, ища параллельно на своем рабочем столе какие-нибудь успокоительные, которых, следуя специфики больницы, должно было быть здесь в достатке.

– Кто говорит?

– У меня два трупа... – прошептала тихим голосом медсестра, глотая какую-то настойку из пустыря, прямо из пузырька.

– Какого...

Через три минуты снизу послышался тревожный топот каблучков дежурного врача. К тому времени весь этаж психически больных гудел, как встревоженный улей. Многие из них уже знали о случившемся с санитарами, которых мало кто любил и уважал. Полина сидела за своим столом, положив голову на скрещенные руки, тихо плакала. Пустыряк подействовал, принес с собой апатию ко всему окружающему.

– Где? «В какой палате?» —спросила полноватая Тамара Николаевна, всклокоченная, словно ворона на ветке, с криво подведенными глазами. Наверное, девушка оторвала ее от утреннего макияжа. Ходили слухи, что с главврачом у них были не просто рабочие и деловые отношения, но Полина старалась в это не вникать. – Ты им что-то колола на ночь? Симптомы? Почему сразу не вызвала? – быстро допрашивала молоденькую медсестру врач.

– Нет... – покачала она головой, показывая дрожащей рукой в сторону каптерки.

– Что нет? – разозлилась Гриценко. – Вася с Гришей их уже отнесли в процедурку?

– Вася...я....

– Говори же толком! – от всей души Тамара Николаевна отвесила Полине пощечину, мгновенно прекратив поток рыданий.

– Санитары наши...Они там...

Недолго думая, Гриценко побежала по коридору в сторону каптерки. Громкий цокот ее каблучков громом среди ясного неба разносился по коридору. Вошла в распахнутую дверь. Мертвые санитары лежали точно так же, как их оставила Полина.

– Твою ж мать...-громко ругнулась врач, бросаясь к Василию. Ловко прощупала на шее пульс. Пусто...Здоровенный мужик был уже холодным, как лед, начиная застывать. Григорий то же не подавал признаков жизни. Смахнув падающую на глаза прядь покрашенных хной рыжих волос, Тамара Николаевна вышла в коридор.

– Звони Начмеду и главврачу! Только потом вызывай милицию. Похоже, что у наших санитаров произошел обширный инфаркт...При чем у обоих сразу!

Полина, путаясь в цифрах, слабо попадая пальцем в диск, еле набрала номер. У начмеда было занято, а вот главврач и вовсе не отвечал. Он появился минут через пятнадцать в начале больничного коридора, видимо, отчаявшись найти Гриценко на ее рабочем месте. Вдвоем с Тамарой Николаевной медсестра отвела его в каптерку, где лежали два мертвых, абсолютно здоровых мужика.

– И что теперь будет? – дрожащим голосом спросила Полина, прижимая к красным от слез глазам фиолетовый носовой платок в полосочку.

– Не знаю... – коротко бросил главврач, осматривая трупы. – Физического воздействия на этих людей я не вижу. Такое ощущение, что они умерли прямо во сне. Как говорят в старых летописях «испустили дух».

– Что это значит? – нахмурилась Гриценко.

– Это значит, что нет какой-то причины их смерти. Они просто умерли.

– Так не бывает!

– Оказывается, что бывает... – главврач отошел от кушетки обратился уже к заплаканной Полине, стоявшей чуть поодаль в уголке.

– Что происходило вчера у тебя на этаже? – нахмурился он, пытаясь посмотреть молодой девушке в глаза. Он почему-то был уверен, что молодая медсестра знала больше, чем говорила. И лучше было бы, если она рассказала бы это все ему, а не прибывающей милиции.

– Я...

– Говори! Иначе, я буду думать, что они пытались изнасиловать тебя, а ты их отравила, – безапелляционно заявил главврач. Рядом сверлила ее злым взглядом Гриценко.

– Они, точнее Вася...они хотели пристать ко мне, но все испортил этот псих... – начала, снова рыдая, Полина.

– Какой! Точнее! Они все тут у нас психи! – дернул ее невежливо за плечи доктор. Девушка нелепо трепыхнулась в его руках, но именно это движение и сломало ее окончательно.

– Они издевались над ним! Над художником, который слова и фразы разные на стенах пишет. Краски ему не отдавали. Заставляли собаку показывать. Особенно Гришка...Его это сильно забавляло. Ну, я и вступилась за убогого. Они краски отдали и пошли к себе в каптерку. Утром я их нашла уже мертвыми.

Гриценко с главврачом переглянулись. Понимающе кивнули друг другу и направились к палате, где находился Олег Митусов.

– Я только что проверяла... Все у него было нормально... Спал на полу возле окна. Весь в краске! – торопилась их догнать Полина. Ей почему-то казалось, что начальство в смерти санитаров хочет обвинить ее или этого сумасшедшего художника.

– Ключи! – главврач, не глядя, протянул руку медсестре, без лишних разговоров вложившей тяжелую звякающую связку ему в ладонь. Дверь скрипнула. Он не стал пользоваться специальной решеткой, а может просто на просто в спешке забыл про нее. Толкнул ее, открывая вход к Олегу.

– Ой! – замерла Полина, заглянувшая из-за плеча доктора внутрь. Палата была абсолютна пуста. На узкой панцирной кровати лежало скомканное покрывало, несвежая заляпанная краской простынь, вокруг сплошные надписи, непонятные буквы и символы. Место на полу под подоконником пустовало. Больной исчез из закрытой комнаты, будто испарился. Гриценко с главврачом переглянулись и посмотрели строго на Полину. Та вся, под их взглядом, как будто внутренне сжалась, опасаясь наказания, что-то залепетала в свое оправдание, все еще не веря своим глазам.

– Он был здесь... Этот мужик! Он же псих! Как ему удалось сбежать? Двери были заперты! Вот его краски! А без красок он никуда бы не ушел! В этом рисовании его жизнь. Он только этим и держится... Да, не смотрите вы так на меня! – воскликнула она, разрыдавшись. – Я только утром просмотрела все палаты. Этот был на месте. Спал здесь, возле подоконника, свернувшись калачиком...

Ее взгляд упал на подоконник, густо исписанный непонятными фразами. «Мир. Есть. Мы. Верьте в людей. Олег. Мама» Все это было знакомо и видимо с утра. А вот чуть ниже этого всего бреда белой краской было наляпано что-то новенькое. Полина пригляделась внимательнее, вслух прочла:

– Не. Терять. Веры. В. Людей. Всем. Всему. Живому. И. Не. Живому.

– Жуть берет... – промолвила после долгой паузы Гриценко, пытаясь закутаться в свой белый медицинский халат.

– Страшновато, конечно... Но где сам пациент? И как мы будем объяснять все это милиции и родственникам.

– У него они есть?

– Мать!

– Объявим его мертвым, но только чуть позже! – решил главврач, покусывая нижнюю губу в раздумьях. – Когда все следственные мероприятия пройдут. И помните, милиции, об этом всем... – он обвел рукой расписанные краской стены и пол. – Ни слова! Наши два санитары просто в один момент умерли от обширного инфаркта. Так получилось, просто совпадение! А этот Митусов никак с этой историей не связан!

– Мать его будет искать? – вопросительно взглянула на своего начальника Гриценко.

– Скажем, что кремировали его. А заразился он, скажем туберкулезом... И чтобы не распространять заразу, было принято решение его сжечь, как можно быстрее. Думаю, в наших экономических реалиях, его мать будет только рада такому исходу... Главное, Полиночка и вы Тамара Николаевна должны усвоить, о том, что на самом деле произошло в этих стенах сегодня ночью, не должен знать никто в этом мире!

3

Харьков 2019

Благополучно сбавив на попечение Эльвиры Олеговны Мишку с Дарьей, мы отправились по указанному адресу на новоселье Красовской. Журналистка «Вечернего Харькова» не соврала – это был действительно центр. Улица искусства была недалеко от Пушкинской в Киевском районе городе, расположенная немного вдали от шумных улиц Первой столицы Украины, где постоянно кипела не только дневная, но и ночная жизнь. Дома старой сталинской постройки поражали своими толстыми стенами и массивными фасадами в стиле ампира, уютные дворики, где еще остались коренные харьковчане с их только им присущими словечками, старыми «москвичами» у подъездов и входными дверьми, обитыми потертым коричневым дерматином, многолетней лепниной и узкими окнами, напоминающими башенные бойницы.

Такси подвезло нас прямо к подъезду, где возле входа нас уже встречала определенно похорошевшая подруга. Со временем она отрастила длинные до плеч волосы, материнство слегка округлило ее формы, придав еще больше женственности, и теперь в ней я уже с трудом мог узнать безбашенную и неутомимую журналистку, ныряющую за мной, словно в омут в очередное приключение. Она стала больше похожа на хранительницу очага, на мать, а не девочку-подростка, с которой я когда-то познакомился, вернувшись из-за Зазеркалья. Нет! Она не стала безобразней, Боже упаси, просто стала другой. И не сказать, что эта ее перемена не пошла ей на пользу.

С ее мужем, пусть и гражданским, мы были знакомы заочно. Друг другу не представлены толком, да и виделись мельком раза три. Максим работал в милиции, с легкой руки нашего правительства, переименованной в полицию. Имел небольшие залысины и внимательный, настроженный по-волчьи взгляд. Ростом примерно с меня, крепко сложен, но без заметного пуза, которое в нашем возрасте появляется независимо от здорового образа жизни и тренировок.

– Ну наконец-то! – бросилась обниматься Янка прямо с порога. – Я уж думала, что вы никогда к нам не выберетесь!

– И когда вы успели переехать? – изумилась Светлана, разглядывая дом со стороны. – Главное, молчала до последнего... Конспираторша! И нам ничего не сказала!

– Максим попросил, пока сделка не состоится никому не говорить... – покраснела слегка Яна, влюбленными глазами поглядывая на невозмутимо стоящего рядом отца своего ребенка. – Кстати, вы толком так и не представлены друг другу! Максик, это тот самый Дворкин. Да, именно он! Наш самый любимый и известный писатель, а эта красавица – его жена Светлана. Мы дружим уже... Сколько же времени прошло...

– Боюсь, что много! Да и о наших приключениях лучше рассказывать под уютной крышей, чем посреди такого ненастья...

Погода, действительно, испортилась. Резко подул пронизывающий ветер, подбрасывая вверх прелые прошлогодние листья. С неба посыпался то ли дождь, то ли снег... В общем какая-то крупа малопонятная, но очень неприятная. Я зябко поежился, заметив, что и моя любимая жена тоже стала переступать с ноги на ногу, замерзая в своем новом платье, купленном по случаю новоселья.

– Ох, конечно же! – хлопнула себя по лбу Янка. – Чего это мы на улице стоим-то? Пойдемте... Светик, я там немного «мартини» припасла...

В понимании Красовской раньше, до беременности «немного» означало, что еще раза три мы пойдем в ближайший супермаркет за добавкой. Со вздохом мы последовали следом за хозяйками, искренне надеясь, что с рождением ребенка Красовская остепенится...

В подъезде знакомо пахло чем-то старым, пыльным, словно самой историей дышали стены, покрытые зеленой краской. Советские деревянные перила сохранились прекрасно. Тут

не было никаких диковатых надписей на стенах, вроде «Машу любит Петя» или «Таня б...дь». Тут все было прилично, солидно, и я даже оглянулся, нет ли консьержа в каморке у входа в подъезд. Пусто... Все-таки это был не тот дом, где жили новоиспеченные богачи, поднявшие себе неплохое состояние перепродажей турецких тряпок на Барбашова, и которым обязательно необходимо было выпендриться. Хотя с годами Харьков в этом смысле, стал лучше и чище. То ли те, кто сорвал в лихие времена куш остепенелись и повзрослели, то ли последний финансовый кризис выбил их лидеров гонки благосостояний, вернув с небес на землю.

Мы поднялись на третий этаж. Последний... Все правильно, такие дома строились не для того, чтобы шарахаться от каждого порыва ветра, где-нибудь на двенадцатом этаже «свечки». Здесь все было солидно, по-сталински, по-купечески. Дверь Красовская уже поставила новую. Теперь они блистали в неясном полумраке плохо освещенного лестничного пролета свежим металлом.

– Я Матвея оставила маме, чтобы хорошо провести новоселье. Так что...

Нет, не изменилась! С горечью подумал я. Все такая же взбалмошная и явно настроена напиться... Мы со Светкой переглянулись. Жена печально кивнула, мысленно со мной соглашаясь, что, если Янка себе вбила себе что-то в голову, значит от запланированного не отступит ни на шаг, а значит ночевать нам придется здесь, на улице Искусств.

В кухне, примерно четыре на четыре, уже был накрыт праздничный стол на четыре персоны. Затейливые салаты были явно куплены в ближайшей домашней кухне, сама журналистка готовила плохо и до встречи с Максимом в основном питалась дома свежее сваренным кофе. Мне пришлось когда-то у нее ночевать, и я в полной мере испытал ее гостеприимство. Расселись.

– За встречу! – предложила Яна, а Максим, мгновенно среагировав, тут же разлили по фужерам положенное спиртное. Дамам «мартини», а нам по сто коньяку. Было приятно, что Красовская мои вкусы не забыла, и на столе красовался пятилетний «Арагат».

– А как получилось, что вы купили это квартиру? – спросила Света, когда мы уже набили желудки до отказа, опрокинули еще по одной. Стало теплее и немного посвободнее. Что ни говори, но при муже Красовской я чувствовал себя еще немного скованно. И дело было не в том, что Макс был полицейским. Просто этот внимательный испытывающий взгляд мне очень напоминал Инквизицию, с которой я с некоторых пор, если не в ссоре. То явно не дружу.

– Максиму предложил кто-то с работы посмотреть... Мол, раньше тут был офис. Отличные семь комнат, неплохой ремонт. Вам тут с малышом места хватит за глаза, – затараторила Янка, – и правда, тут можно в футбол играть, не только троим потеряться. Мы приехали, осмотрели. Как раз в это время выносили мебель, стулья, столы, оргтехнику. Мне удалось переговорить с главным менеджером бывшей владелицы этой компании. Она занималась продажей и экспортом компьютеров из Сингапура. Мы мило поболтали. Я уточнила, почему они съезжают... Мария мне объяснила, что компания расширяется, идет набор сотрудников. Необходимо место под склад аппаратуры, часто товар привозят ночью, а тут соседи такие, что моментально жалуются в полицию.

Они с мужем переглянулись, но смысла их взгляда я так и не понимал. Только появилось какое-то предчувствие чего-то нехорошего, словно впереди меня ждали какие-то неприятности. Я поморщился, неожиданно для себя почувствовав себя лишним на этом празднике жизни. Заболела голова, а виски сразу отяжелели. Светка заметила, как я побледнела. Под столом взяла мою руку в свою ладонь и крепко сжала, выразительно на меня посмотрев:

– А курить у вас здесь где-нибудь можно? – с натянутой улыбкой спросил я. Мне очень срочно нужно было на воздух. Не хватало еще сознание потерять на встрече с малознакомым человеком.

– Конечно, Дворкин! Куда же тебя деть с этой вредной привычкой, – рассмеялась Красовская. Уж она-то точно догадывалась, что мой бледный вид – это неспроста. – Тут два замечательных балкона. На какой желаете отправиться?

– На любой... – выдохнул я, шаря по карманам в поисках сигарет. Мой желтый «Кэмел» нашелся почти сразу, только зажигалка осталась в куртке.

– А спички?

– Сейчас принесу...

Я вышел в коридор, напоследок услышав, что моя жена развлекает хмурого милиционера, как может, расспрашивая про особенности его профессии. В коридоре с Янкой мы были одни.

– Саша, ты чего? – озадаченно уточнила Янка, набрасывая на плечи ярко-красный пуховик, собираясь сопровождать меня на балкон. Если это из-за Максима, то не обращай внимание. Он всегда у меня такой бука. Весь из себя серьезный, словно президент Гондураса. Это профессия его накладывает отпечаток... Преступники, наркотики, убийства...

– Дело не в этом... – я оглянулся по сторонам, словно стены сдавливали мою голову металлическими тисками.

– А в чем? – тот же самый настороженный взгляд у подруги, который я мог узнать из тысячи. Черт возьми, она что-то знала! Знала или подозревала! Как и ее разлюбленный муженек... То-то он такой серьезный, словно приехал на съезд компартии Северной Кореи. Что-то здесь не так, для этого они меня и позвали, а инициатором всего, конечно же, была она. Да, да, именно Янка, с таким милым и непосредственным видом улыбающаяся мне слегка натянуто, но вполне радостно.

– Что с квартирой? – шепотом спросил я грозным голосом, оглядываясь в сторону кухни, где шла неспешная беседа о политике и нашем политическом курсе, который больше напоминал блуждание ежика в тумане из мультика.

– А что с квартирой? – невинно пожал плечами Красовская, сделав вид ангелочка, которому неожиданно объявили о свержении из рая.

– Ну-ка пошли, подруга дней моих суровых... – я вытолкнул ее почти взащей на балкон, не забыв прихватить зажигалку. Щелкнул ее, закурил, чувствуя, как отпускает виски. Боль уходит, Ия хотя бы могу безболезненно двигать глазами. – Рассказывай...

– Да чего ты на меня напал, Дворкин! Все с квартирой нормально. Мы просто с Максимом решили посидеть, поговорить...

– Красовская...

– А что ты почувствовал? – нетерпеливо спросила Яна.

– Ну, ты...

– Брось, Саш, ты же что-то ощутил? Тебе же досталась сила от Агриды, да заберут черти ее душу! Расскажи, не будь жлобом...

– Красовская, давай-ка сначала, дорогая моя, ты... Жалуйся, зачем вы нас позвали... – скрестил я выжидательно руки на груди, в упор рассматривая свою явно смутившуюся подругу.

– В общем, смотри сам... – Яна вздохнула и отвернулась от меня к балконной двери. Возле нее, у самого краешка стены был уже надорван слегка плинтус. Из-под края белой пластмассы виднелась срезанная обоина, наспех приклеенная обратно.

– Ну что там? – нетерпеливо поинтересовался я.

Моя подруга немного поколдовала над стенкой, и я отодвинула в сторону обои. Под довольно толстым слоем клея виднелись какие-то малопонятные надписи, сделанные белой краской на красной стене. Я немного наклонился, чувствуя, как боль в голове вернулась снова.

– Век. Вак... Счастье мое... Дальше неразборчиво... Мама... Олег... Что это за бред? – нахмурился я.

– Это действительно бред, Дворкин! Настоящий бред реального шизофреника... – вздохнула Яна. – Эта квартира в девяностых годах принадлежала известному в Харькове Олегу

Митусову. Он занимался торговлей, был директором магазина, писал докторскую диссертацию, но во время поездки на комиссию по защите работы, забыл ее в троллейбусе. Сошел с ума и стал расписывать стены белой краской. Вскоре его забрали в дурку, здесь жила его мать, а там он благополучно скончался от туберкулеза. После смерти матери Олега, квартиру выкупила эта фирма с компьютерами из Сингапура, сделала шикарный ремонт, но почему-то съехала, сбавив квартиру нам за бесценок...

– А почему ты решила, что сказки о расширении, необходимости складов неправда? – прищурился я, проведя рукой по открывшейся мне надписи под обоями. От белых букв исходило непонятное мне тепло. Они, несомненно, были наполнены какой-то энергетикой, но я больше склонялся не к магии, а просто к следу от не совсем здоровой души.

– Я нашла кое-что... – Красовская задрожала всем, инстинктивно кутаясь в теплый, наброшенный на плечи пуховичок. Развернулась в сторону от меня, покопалась где-то в самом дальнем углу балкона, заваленном хламом, и достала оттуда старую потертую общую тетрадь. Точно такая же была у меня когда-то в далеком детстве, и я написал в ней свой первый рассказ.

– Что это? – кивнул я на нее. Руки Янки подрагивали. Она с трудом могла владеть собой.

– Дворкин, дай сигарету? – попросила она, протягивая ладонь.

– Неужели, все так ужасно? – ухмыльнулся я. Да мне было плохо, да я чувствовал след чужой магии, но он был старым, окостеневшим, словно какое-то ископаемое. К таким следам прислушиваться, с ума точно сойдешь. Ведь магией и загадочными происшествиями пропитан буквально весь Харьков.

– Сигарету...

Я достал из пачки никотиновую смерть и протянул Янке. Она с наслаждением затянулась, немного унимая дрожь.

– А малышу это не повредит, – кивнул я на ароматно струящийся дымок.

– Кормить грудью я бросила почти сразу. Нынче, это не модно, говорят сиськи обвиняют, – натянуто улыбнулась она, – а Максик уж потерпит. Тем более сам попросил пригласить тебя, чтобы все до конца выяснить.

– Выяснить что? – напрягся я, закуривая следом еще одну.

– А ты почитай, Дворкин, – подала она мне потертую тетрадь, – почитай и все поймешь...

4

Харьков 1980

Из записей дневника

Олега Митусова

13 марта 1980 года пятница

Сегодня был воистину замечательный день! Дорогой дневник, спешу тебе доложить, что, наконец, дописал последнюю страницу своей диссертации. Отдал ее на проверку своему научному руководителю – Самойленко Валерий Павловичу, который не то, чтобы остался доволен, а получил, как он выразился, истинное эстетическое удовлетворение от хорошо проделанной работы. Прекрасные рецензии и великолепная защита, являющаяся еще одной ступенькой к занятию неплохой должности в нашем НИИ, вот что меня ждет в будущем, сказал он. Все готово к моему триумфу! Все мои расчеты, пусть и теоретические оказались верны! Завтра, уже совсем скоро, я смогу утереть всем своим критикам нос. Как они насмехались надо мной, когда я им попробовал представить проект своей диссертации, сколько грязи и помоев было вылито на меня! В чем только меня не обвиняли...А этот товарищ Пшенка? Что теперь скажет он?

– Вы, молодой человек, лучше бы занимались реальными делами и разработками, чем какой мифической планетой, существование которой и доказать практическим путем нереально...

Как он был жесток и самоуверен в своей самонадеянности! И что же? Я сумел доказать, что планета Тивит существует! Ах, да...Я даже от тебя, мой дорогой друг и соратник, хранитель моих самых сокровенных тайн, скрывал истинную тему моей работы. Так вот... Почти десять лет я подбирал ключики к двери под названием Тивит! И подобрал, что самое удивительное.

Что мы знаем об этом небесном теле из официальной теории? Планета Тивит существует в ином измерении, в котором на земле численность населения в тысячу раз меньше. То есть, если сейчас проживает на нашей планете около миллиарда землян, то на Тивите их всего лишь несколько миллионов, а то и меньше...Точных данных ни о кого нет и не было, пока...Впрочем, дорогой дневник, не буду слишком далеко забежать вперед. Это небесное тело – искусственное, кора занимает 50 % всего ее объема. Кто и зачем ее сотворил остается загадкой даже для меня, человека, который, как никто другой продвинулся в исследовании этого феномена. Мантии в общепринятом понимании у нее нет, антигравитационное вещество, находящееся под ее корой настолько мало, что принимать ее за нашу мантию невозможно. К тому же, на поверхность земли в виде лавы она никогда не изливается, а вот гравитационное поле распределено на Тивите по коре, так что, если бурить в недра Тивита, то с определенной глубины предметы начнут не падать вниз, а лететь вверх, пока не зависнут в сфере гравитации. У Тивита с Землей общая атмосфера. А вот магнитное поле у планеты свое, как и гравитация на Северном полушарии Земли. В наше поле Тивит переместился совсем недавно и расположился примерно где-то возле Кольского полуострова. Откуда я это все знаю, мой дорогой дневник? Теперь и мы подбираемся к самому главному и сокровенному в моей истории. К моим исследованиям и опытам!

Я с детства очень любил читать, часто интересовался оккультными науками, которые, как и все запрещенное притягивали меня, как магнитом. К четырнадцати годам я уже изучил легендарный труд Василька Гроха «О магии и ее особенностях». К восемнадцати свободно владел основами спиритизма, проведения ритуалов, установленных и общепринятых, среди магического сообщества.

Ты спросишь меня, откуда в просветленном Харькове, вставшем на путь построения коммунизма и достижения эры всеобщего благоденствия, культура магических обрядов, наведения порч, сглазов и прочей мелкой, занимательной, но не более, ерунды? Спешу тебя разочаровать... В нашем городе, промышленном союзном гиганте существуют маги, ведьмы, чародеи и волшебники! Более того, ты сильно удивишься, что Инквизиция, знаменитая в Средневековье, нигде не исчезла, а по-прежнему продолжает свою кровавую охоту на тех, кто переступил через порог общепринятых норм и правил, чтобы обрести настоящее величие. Я присоединился к ним! Я стал одним из них! Поверил в их идею, что с помощью магии каждый может стать чем-то большим, чем просто обычным человеком, если хочешь, то суперчеловеком! Специалисты говорили о том, что у меня мало способностей, но моя профессия и постоянно желание совершенствоваться позволили мне их развить настолько, что я смог заглянуть в этот тайный мир, полный оборотней, вампиров, колдуний и магов. Они впустили меня в свой круг, где я и нашел первое упоминание о Тивите!

Ооо... Это было великолепно, загадочно и безумно интересно! Только представь, древняя планета, некий оазис, населенный людьми, тайными знаниями, позволившими обогнать в своем развитии человечество на много сотен лет вперед? Ты бы не хотел туда попасть, коснуться этих тайн? Вот и загорелся этой идеей, проистудировал все доступные учебники и манускрипты, изучил все материалы, находящиеся в свободном доступе. Все, кроме библиотеки Ковена Ведьм, к сожалению, это бесценное сокровище, для человечества навсегда останется утерянным. Из-за преследования инквизицией самые могущественные волшебницы нашей планеты покинули ее. Не в Тивите ли они оказались?

С помощью астрологических наблюдений, астрономических исчислений и множества исследований, мне удалось установить примерное нахождение Тивита, но ни один телескоп мне не показывал ее, ничего в этом мире не доказывало мою правоту! О, как я сходил с ума! Моих возможностей не хватало для более полноценного исследования и тогда, я обратился в НИИ астрофизики, где познакомился с талантливейшим ученым, академиком, которого смог заразить своей идеей, убедить в своей правоте и заняться вплотную этой работой, написав диссертацию...

Прости, дорогой дневник, мне пора бежать. Завтра утром рано вставать на работу. Приходится иногда ходить в этот дурацкий магазин, чтобы прокормить себя и свою мать. Завтра обязательно расскажу подробнее о своих исследованиях. Возможно, когда-нибудь, мои записи издадут многомиллионными тиражами и все признают...

5

Харьков 2019

Дальше было непонятно. Чернила потекли, расплзшись по поверхности тетрадки в непонятное бесформенное пятно. Кто-то пролил на дневник Митусова воду, и где-то семь страниц пришли в негодность. Я закрыл тетрадь и внимательно посмотрел на Янку.

– И что из этого? Обычному человеку нелегко воспринять мир, где все, что было раньше сказкой, обретает реальность... Ничего удивительного, что этого его слегка повернуло!

– Дворкин! Ты дочитал бы до конца! – уверенно кивнула на дневник Красовская, который так и остался у меня в руках. Я без особого энтузиазма повертел тетрадку в синей оплетке. Теперь было понятно, откуда в квартире фонило магией... если ты хоть раз сотворил заклятие, то его след останется в другом ином пространстве навсегда. Именно его я и ощутил, когда зашел в квартиру. Ничего в этом удивительного не было! Судя по дневнику, Митусов часто и довольно сумбурно изучал колдовство, при чем самого темного происхождения. А, как известно, никакие эксперименты с черной магией не заканчиваются хорошо и не проходят бесследно.

– Лучше расскажи мне, что произошло! И что тебя так сильно напугало во всей этой истории? Неужели призрак покойного Олежки приходит к тебе каждую ночь и требует обменять душу на какие-нибудь блага?

– Дворкин! – Янка выбросила окурок в окно, ощутимо стукнув меня по плечу своим маленьким, но довольно весомым кулачком. – Мне реально страшно!

– Это что-то новенькое... – сострил я.

– Придурок! – разозлилась журналистка. – С этой квартирой явно происходит что-то непонятное. Ночами мне кажется, что кто-то ходит по комнате, наблюдает за нами, хлопает дверьми, шепчет эти проклятые слова...

– Какие? – нахмурился я.

– Ну, эти... – Яна побоялась произносить их вслух, указав на отодранные обои, где белой краской было намалевано «Век. Вак». Даже Максиму стало казаться все это...

– Очень интересно, но скорее всего ты ему проела всю плешь до того, что он стал верить в твои идеи и предположения.

– Если ты сейчас не прекратишь, то я тебя ударю! – погрозила мне кулачком Яна. – Мы в паре мест вскрыли еще несколько обоев, отодрали штукатурку, там тоже самое... Вместе с этим бредом написано эта фраза!

– Господи, Яна, ты всегда была человеком, рационально мыслящим! – обратился я к профессиональной гордости моей подруги. – Поверь, я ничего здесь не ощущаю, никакой магии, темной или светлой, только старый отголосок ворожбы, которая тут творилась! Довольно неумело, кстати...

– Очень даже умело! – скривилась Красовская. – Если бы ты до конца прочитал бы дневник Митусова, то понял бы это...

– Ян...

– Мы вас заждались... – на пороге балкона появились Максим с моей верной супругой. – Уже все темы для разговора исчерпали, а вас все нет и нет...

Взгляд Максима упал на тетрадь в моих руках. Он, безусловно, знал, что это такое... И был явно не в восторге от того, что Яна поделилась этим секретом еще с кем-то.

– Пойдем за стол, – предложила Яна, цепляя на лицо свою преувеличенно бодрую и счастливую улыбку, – а то мы, правда, заболтались с Сашкой. Так можно и легкие все прокурить...

– Это я, как доктор, вам говорю! – рассмеялась Светлана. Теперь и она заметила в моих руках непонятную тетрадку. Кивнула на нее, поинтересовавшись:

– А что это такое?

Максим опустил глаза и первым вошел внутрь квартиры, впусав туда облако дыма от моей недокуренной сигареты. Хитрюга Красовская сделал вид, что не расслышала прямого вопроса, последовав за своим мужчиной, но, а мне пришлось соврать, потому что правду говорить, как-то не хотелось. Уж слишком счастливой был моя жена, когда нас оставили сумасбродные приключения, и мы, наконец-то зажили, как обычные нормальные люди.

– У нашей подруги есть некий товарищ по работе, который очень мечтает стать писателем. Вот, он и попросил мне передать его творения, чтобы я мог их оценить по достоинству... – пожал я плечами, сообщив ей первое, что пришло в голову.

– А вы растете, Александр Сергеевич, – прижалась она ко мне всем телом, обнимая за спину, жарко касаясь своими губами мочки моего уха, – классиком становитесь... Подумать только, мой супруг – главный цензор города Харькова!

– Я рад, что ты мною гордишься... – мои мысли были все же далеки от жены, поэтому я, как мог, аккуратно высвободился из ее объятий.

– Дворкин... – окликнула она меня, когда я уже прошел в комнату, глядя на меня тем самым взглядом, который требовал честного ответа.

– Да, моя дорогая!

– А ты мне сейчас не врешь? – прищурилась Светка.

– Ни в коем случае! Проза и ничего больше... – поднял я руки вверх. Шутливо делая вид, что сдаюсь семейному правосудию. – Нам пора... Нехорошо, когда гостей ждут хозяева!

В комнате висело напряженная атмосфера. Максим уткнулся в свою тарелку, так и не проронив ни слова. Красовская усиленно рассматривала рюмки в своем буфете, еле сдерживая слезы. Что-то между ними произошло, какой-то спор, пока нас не было... Светлана неловко пыталась начать какой-то разговор, но тот явно не клеился. Хозяева квартиры отвечали односложно и никак не хотели идти на контакт. В итоге, через минут сорок наши посиделки, впервые за столько времени, свернулись сами собой, оставив после себя горькое послевкусие.

– Нам, наверное, уже пора и честь знать! – улыбнулась моя супруга, вставая со своего места, вежливо улыбаясь. – Все-таки в гостях хорошо, а дома лучше...

– Да... Да... – поспешно согласилась подруга, ухватываясь за это предложение, как за спасательный круг. – Я вас провожу до такси. Подождите, сейчас Дарье с мишкой отрежу немного торта.

Она засуетилась, забежала по кухне в поисках ножа, жена вызвалась ей помогать. Пока женщины справлялись со своими делами, мы с Максимом остались одни.

– Она тебе рассказала о дневнике и записи на стенах? – спросил неожиданно он, прервав свое долгое вечернее молчание, взглянув на меня исподлобья волчьим взглядом, требующим немедленного ответа.

– Конечно, рассказала! – кивнул я. – Даже дала его почитать...

– Яна считает, что ты большой специалист по этим вопросам... Экстрасенс что ли? – продолжил Максим.

– Почти что... Но кое-какие знания у меня присутствуют! – улыбнулся я.

– Я мало верю во всю эту ерунду! Черные кошки, рассыпанная соль, параллельные миры – это все не для меня! Я сугубо практик. Но через свои каналы в МВД мне удалось выяснить про этого Олега Митусова крайне мало. Если это тебе поможет хоть чем-то, то я готов поделиться информацией, потому что я могу верить или не верить в мистику, но с квартирой действительно творится что-то неладное. Может разберешься в этом ты со своими экстрасенсорными способностями?

Я пожал плечами, ничего не ответив, лишь выжидательно посмотрел на своего собеседника. Пусть делится... Если честно, мне до сих пор казалось, что вся эта история надуманная. Какая планета Тивит? Какие обряды и магия? Какие-то непонятные звуки и открывание две-

рей? Скорее всего, каждому происшествию в этой квартире можно найти логическое объяснение. Может после всего пережитого вместе со мной Янка дует на воду, капая на мозги своему мужу, а тот в свою очередь из-за постоянного пресса уже начинает верить?

– Я внимательно слушаю... – после небольшой паузы продолжил я.

– Олег Митусов родился в Чехословакии 31 января 1953 года, по крайней мере в его документах была именно такая дата, в городе Карловы Вары. Прославился тем, что в середине 1980 годов в Харькове изрисовал стены домов непонятными надписями, некоторые из которых ты видел в нашей квартире. Предположительно страдал шизофренией. Отец – горный инженер, мать медик в посольстве, неоднократно госпитализировался в нашу «пятнашку». Работал директором магазина на Сумской по продаже хозяйственных товаров. Умер в 1999 году в Харьковской психиатрической больнице от туберкулеза легких. Шизофрению заработал по предварительным данным в тот момент, как, отправляясь на троллейбусе на защиту диссертации, забыл ее в автотранспорте. С тех пор его и повернуло! Но дневник говорит об обратном...

– Я понимаю... – кивнул я, видя краем глаза, как наши девочки собираются в прихожей.

– Это все, что удалось нарыть моим операм! Его мать умерла, квартиру продали офису по производству и продаже компьютеров и комплектующих совсем два года назад. Сестра выехала в Израиль, обнаружив у себя тягу к иудейской вере. Допросить ее или что-то узнать, нет пока возможности.

– Спасибо за информацию, Максим, – я встал из-за стола, пожав ему крепкую ладонь. Я обязательно прочту дневник и попробую разобраться в этом «Век...»

– Не надо слишком часто говорить это слова вслух! – неожиданно прервал меня Макс, поглядывая по сторонам.

– Что это значит? – нахмурился я.

– Если оно часто звучит, то творятся не совсем понятные мне дела...

– Что ты имеешь в виду?

– То, что Яна называет магией.

– Мальчики, вы скоро? – прокричала из прихожей Красовская.

– Саш, имей совесть! Я уже минут пятнадцать торчу тут одетая! Не могли за столом поговорить?

– Если бы это были наркоманы, убийцы, кто угодно... – напоследок огорошил меня Максим. – Я бы, несомненно, разобрался, но вся эта чертовщина по твоей части, Дворкин! Помогите нам, а я в долгу не останусь!

– Я попробую... – пришлось мне кивнуть и дежурно улыбнуться.

Быстрым шагом я отправился в прихожую, где спрятал свои глаза от настойчивого взгляда жены. Накинул куртку и зашнуровал ботинки.

– Такси вызвали?

– Уже минут пять, как ждет нас под окнами! – недовольно буркнула Светлана, спускаясь вниз первой. Уж она точно знала меня на все сто, понимала, когда я чего-то недоговариваю и теперь дулась, обижаясь на то, что я с ней не поделился.

Мелкий морозящий дождик противно бил в лицо. Черная «Таврия» была припаркована прямо под крыльцом, так что нам не пришлось долго под ним мокнуть. Женщины обнялись, я поцеловал Красовскую в щеку.

– Прочти дневник... – шепнула мне на ухо журналистка, дежурно улыбаясь.

– Обязательно! – махнул я ей рукой на прощание, усаживаясь в легенду отечественного автопрома на заднее сиденье рядом с женой.

Мотор мгновенно взорвался ревом, но тут же заглох, отказываясь заводиться. Водитель ругнулся, стукнув по рулю кулаком.

– Чертова развалюха!

– Что-то не так? – насторожился я.

– Да не заводится! – он выскочил из кабины, впусив промозглую весеннюю погоду в салон. Светка теснее прижалась ко мне. Минуты три копался под капотом, и движок все же заработал, пусть с натугой и хрипами, но затарахтел.

– Опять свечи залило! – ворчливо сообщил он нам, трогая с места.

На прощание я увидел, как Янка махает нам рукой, оставаясь одна в свете бледно-желтого фонаря у своего подъезда. Когда наше такси скрылось за поворотом из двора, она повернулась к двери, кутаясь в пуховик. Ноги в домашних тапочках совсем замерзли.

– Здравствуйте, тетенька! – звонкий детский голос заставил ее вздрогнуть. Журналистка резко обернулась назад, увидев перед собой четырехлетнего мальчика, совсем небольшого роста, коротко стриженного, с блеклыми, почти незаметными волосами. Он был одет явно не по погоде. В короткие шортики синего цвета и аляповатую рубашку со слониками с коротким рукавом. На ногах у него были старые советские кожаные сандалии и скрывающие ноги почти до колен такие же синие гетры.

– Здравствуйте, мальчик... – ошарашено проговорила она, готовая поклясться, что секунду назад на этом месте было пусто. Двери подъезда не хлопали, и никто из них не выходил. Как получилось так, что этот ребенок бесшумно подобрался к ней, да и еще в таком домашнем виде? – Ты кто? Как ты тут оказался? – спросила она, на всякий случай, хватаясь за ручку двери.

Мальчишка сделал уверенный шаг вперед, и Красовскую пробила крупная дрожь. Его голубые глаза вдруг стали темнеть на глазах, превращаясь в беспросветный черный омут. В этом омуте заплясали огненные языки пламени.

– Я пришел к тебе! – чужим, не детским голосом возвестил он. – Ты позвала, я пришел...

– Не-ет! – закричала Янка. – Изыди, тварь!

Журналистка перекрестила наступающего на нее мальчишку, но это не принесло никакого желаемого результата. Лишь тонкие губы ребенка, бывшего вовсе не ребенком, тронула легкая надменная улыбка победителя.

– Глупости какие... – ухмыльнулся он, показывая ряд ровных, словно искусственных зубов. – Мы считали, что вы избавились окончательно от этих предрассудков уже давно.

– Уйди! Изыди! – прошептала Яна, чувствуя, как волна ужаса захлестывает ее с головой. Тело одеревенело. Руки и ноги совсем не слушались, а рука, держащая ручку двери в подъезд, словно превратилась в камень. Ребенок наступал, приближаясь к ней, а ее легкие все сильнее сдавливал ужас. Почему-то женщина была уверена, что нельзя дать ему коснуться ее. Мальчик протянул руку. Огонь полыхнул в его черных глазах сильнее.

– Нет!!! – закричала Янка, выдавливая из себя слова знакомой с детства молитвы. – Отче наш...

Мальчонка отдернул руку в сторону, будто обжегшись. Лицо его презрительно скривилось, но наступать он уже не мог. Его ноги двигались в такт шагам, но тело находилось на месте. Вид был жутковатый.

– Да святится имя твое! Да будет Царствие твое! – твердила Яна, почти скрываясь на крик, вжавшись в дверь подъезда. Ее сознание предательски тонуло в волне ужаса, и она молила об одном, чтобы успеть закончить молитву, прежде чем оно потухнет окончательно.

– Во веки веков, аминь! – закричала она, видя, как мальчика начинает вертеть из стороны в сторону, раскачивая, словно игрушку.

– Аминь! Спаси Господи, нас грешных...

Дитё завертело в непонятно откуда взявшемся вихре. В глазах Янки помутнело, и она потеряла сознание, опустившись на холодный пол подъезда, полностью обессиленная, но уверенная, что в этот раз ей удалось устоять.

6

Харьков 2019

Очнулась Яна уже тогда, когда над ней вовсю хлопотали медики. Один особенно настырный медбрат совал ей под нос ватку, намоченную в нашатыре, пытаясь привести в чувство, но от особого старания измазал ей почти все губы. Неподалеку, держась чуть в отдалении и предоставив врачам заниматься своими непосредственными обязанностями, топтался Максим. Как и положено настоящему милиционеру, никакого беспокойства он внешне не проявлял, сохраняя каменное выражение лица. Только излишне много хмурился и покусывал губы от волнения.

Наконец, когда заметил, что Красовская шевельнулась и застонала, он подбежал к ней, растолкав в стороны всю медицинскую бригаду.

– Яночка, ты как? – с тревогой в голосе поинтересовался он, наклоняясь так близко, что можно было бы при желании укусить его за щеку. Яне кусать естественно никого не хотелось, не то было настроение. Да и трясло ее еще от пережитого ужаса довольно прилично.

– Уже лучше, Максим, спасибо... – язвить и шутить она была не намерена. С трудом поднялась с холодного каменного крыльца. Ее даже не удосужились переложить на что-то теплое. Видимо, медики только приехали. Ничего удивительного, скорая она то и скорая помощь, чтобы приезжать тогда, когда ее помощь уже не требуется.

– Посмотрите на свет! – доктор с какой-то привязанной трубкой на шее посвятил ей прямо в глаза ярким карманным фонариком.

– Вашу мать! – ругнулась Яна, заслоняясь рукой. – Вы больше ничего умнее не придумали?

– Значит, жить будете, – удовлетворенно кивнул врач скорой, а потом уже обратился к Максиму, стоявшему рядом. – Ваша знакомая в абсолютном порядке. Обычный обморок, скорее всего, случился вследствие какого-то сильного эмоционального потрясения. У нее случались, вы не знаете, последнее время такие?

– Случались, – кивнул после секундной паузы Максим, вспомнив про загадочные надписи на стенах квартиры и постоянную бесовщину, присутствующую у них дома. Именно эти постоянные случаи могли повлечь за собой обморок. В котором неугомонная журналистка «Вечернего Харькова» провалялась минут семь, пока он не спохватился, что ее так долго нет после проводов четы Дворкиных и не пошел искать вниз, где и обнаружил ее лежащую возле крыльца с настолько потрясенным выражением лица, что самому становилось жутковато.

– Конечно, неплохо было бы ее госпитализировать и осмотреть, сделать все необходимые анализы для определения более точного анамнеза... – вяло то ли предложил, то ли наоборот стал отговаривать врач.

– Макс, не отдавай меня никуда! – тут же взревела женщина, отчаянно хватая своего мужчину за руку. – Слышишь, я никуда не поеду! Макс!

– Извините, но пока ей лучше остаться дом под моим чутким присмотром... – после недолгих раздумий проговорил муж Красовской. – Стресс может усугубиться в незнакомой обстановке, да и потом, у нас есть прекрасный врач, который не откажет в такой малости, как определение диагноза.

– Дело, как говорится, хозяйское... – пожал плечами доктор в синей форменной куртке. – Тогда вам необходимо написать отказ от имени вашей подруги от госпитализации. Думаю, что сейчас ей это самой будет сложно сделать...

– Конечно-конечно... – заторопился Максим. – Где?

– В машине лежит бумага и ручка, пройдемте... – вдвоем они двинулись к ярко-желтой «газели», где красной краской была нарисована снежинка и номер 103. Тем временем Яна ощутила, как силы понемногу к ней возвращаются. Она уже могла стоять без посторонней помощи

и даже улыбнулась санитару, который так невежливо тыкал ей в губы ваткой с нашатырем. Тот, как раз собирал в открытый ящичек необходимые лекарства.

– Спасибо, вам огромное, – произнесла Красовская, чувствуя, что основательно замерзла. А возможно и даже успела простудиться. Сколько она пролежала на холодном бетоне? Минут десять, пока Максим спохватился и минут двадцать, пока не появилась наша доблестная медицина, но до чего жутко ей было в тот момент, когда на нее наступал этот мальчишка... Не мальчишка, а демон какой-то! При воспоминании об этой ужасной встрече, журналистку пере-дернула. Все уже позади... Проговорила она сама себе, думай о чем-либо другом! Может, это вообще было какое-то видение на фоне стресса, вроде галлюцинаций?

Ее взгляд упал на медбрата, застегивающего свой ящик с красным крестом.

– Крепкого вам здоровья, Яна Викторовна! – улыбнулся он, и в его глазах неожиданно полыхнуло пламя, почти так же, как и в бездонных черных как омут глазах напавшего на нее мальчика. Красовская завизжала, вжимаясь в дверь. Попыталась ее открыть, но почему-то упрямо толкала ее внутрь, хотя та распаивалась наружу.

– Максим! На помощь! Помогите! Кто-нибудь!

Первым от скорой к ней кинулся именно муж, следом неся доктор, и лишь потом встал с колен тот самый медбрат с абсолютно непонимающим видом.

– Помогите! Помогите! Умоляю! Что вам от меня всем надо? – билась журналистка в двери, сбивая ладони в кровь ударами о металл.

– Тихо... тихо, малыш! – Максим аккуратно прижал ее к себе и погладил по волосам, – тихо, моя радость... Тихо, моя сладкая! Я с тобой... Все хорошо! Все прошло! Что случилось? – – Убей его! Убей! Максим, умоляю, убей его! У тебя же есть пистолет? Есть? Застрели его к чертовой матери! – она тыкала окровавленной рукой в замершего у крыльца медбрата, – он сам дьявол! Он и его дружки! Этот четырехлетний мальчишка, который напал на меня! Он тоже хотел меня куда-то забрать! Убей!

Ее рыдания становились все тише, а рывки все обреченнее. Наконец, Красовская повисла на руках Максима, еле заметно вздрагивая. Ее тушь потекла, помада размазалась, и теперь она сама выглядела растрепанная не хуже любого беса.

– Что случилось?

– Он...

– Я всего лишь пожелал ей хорошего самочувствия, – пожал плечами ничего не понимающий медбрат, схвативший чемоданчик и совершенно испуганным видом стоявший опасливо поодаль, – а она, как закричит, и в дверь давай биться...

– Постстрессовый синдром... – с умным видом кивнул доктор. – Я бы настоятельно советовал вам обратиться за консультацией к психиатру.

– Я не сумасшедшая! – заорала Красовская, встрепыхнувшись. – Посмотрите, посмотрите внимательно ему в глаза, да там пламя адское плещется! – она указывала рукой на медбрата, который стоял совершенно испуганным видом, опустив голову.

– Подними глаза, тварь! – прокричала журналистка, пытаясь вырваться из рук Максима, но то ее удержал, крепко притянув к себе.

– Будьте так любезны, молодой человек... – попросил Максим, желая успокоить жену.

– Бред... – медбрат поднял голову, и Яна увидела совершенно обычные зрачки на сером блеклом фоне.

– Нет... нет... – растерялась она. – Этого не может просто быть... У него огонь такой же... И улыбка эта... Как у мальчишки маленького в шортиках...

– Яна Викторовна, – проговорил тихо доктор, – я сейчас вам сделаю укол успокоительного, а завтра прошу вас съездить на обследование в «пятнадцатую больницу»... У вас явно какое-то стрессовое состояние, ведущее к помутнению рассудка.

– Я не поеду в вашу больницу! – отчаянно закивала головой Красовская. – Не поеду! Макс, они меня хотят, как Митусова! Как Олега в дурке запереть! А там убить! Слышишь! Это демоны...

– Тебе нужна помощь, Ян... – выдавил из себя Макс. – Причем квалифицированная...

– Мне поможет только вера! – глаза Красовской блеснули. – Они боятся молитвы «Отче наш...». Шарахаются от нее. Максим, приведи к нам священника, приведи батюшку, прошу... Сейчас же!

– Максим Анатольевич... – доктору надоела эта истерика. У него впереди была еще целая ночь дежурства, в ходе которого он насмотрится еще и не на таких чокнутых. А нужно было еще выбрать время и перекусить.

– Да, я вас слушаю! – вскинулся Макс, удерживая рыдающую Яну.

– Пусть это будет сегодня не психиатр, а батюшка, хоть кто-нибудь, но приведите ей его. Иначе, судя по состоянию, ваша гражданская жена покинет квартиру ночью уже в смиренной рубашке под присмотром крепких санитаров. Хочет батюшку, дайте ей его. Думаю, что ни один священнослужитель не откажется от помощи в таком случае. А утром... Утром отвезите ее, куда я посоветовал. Там хорошие специалисты, а адрес «пятнашки» вы знаете... Лучше, не затягивайте, чтобы это не стало необратимым.

– Да, спасибо. Конечно, не будем! – Яна зарылась носом в куртку Макса, дрожа всем телом в его объятиях. Скорая, не включая мигалок, уехала из двора, прошуршав шинами по глубоким лужам разваленного асфальта. – Ну, все, малыш, все уже позади, я с тобой... – прошептал Максим, заводя журналистку в подъезд.

Они с трудом поднялись на свой этаж. Ноги журналистки подкашивались, заплетались. Она то и дело теряла равновесие, и максимум приходилось ее поддерживать за талию. В квартире ей стало немного лучше. Дыхание стало более равномерным, а колотящая жуткая дрожь прошла.

– Максим, – остановилась Яна на пороге спальни. Развернулась к мужу, схватив его за отвороты форменной куртки, в которой он выбежал во двор на ее поиски, – приведи батюшку! Прошу тебя! Сегодня... Они снова придут, и ничего не смогу сделать! Их ничего не остановит!

– Кого, малыш? – преувеличенно спокойным голосом проговорил Максим. – Кого не остановит? Что вообще произошло?

– Я проводила Дворкиных, потом позади меня появился какой-то мальчик. В гетрах, сандалиях и рубашке с коротким рукавом. Светленький такой, милый... Только у этого милого в глазах полыхал огонь! Дьявольский огонь, Максим!

– Кажется тебе просто показалось...

– Ты думаешь, что я сошла с ума? – вскинулась Янка.

– Я думаю, что отблеск фонаря дал такой эффект, а ты на фоне нашей бесовщины...

– Максим! Ты подумай, что говоришь! На улице март месяц! Откуда возле подъезда четырехлетний ребенок в сандалиях и рубашке с коротким рукавом?! Ты сам вот в куртке стоишь...

– Хорошо, чего ты хочешь? – спокойно выдохнул муж журналистки.

– Я тебе уже говорила... Нам нужен батюшка! Он пытался до меня дотронуться, но я начала читать молитву, и он исчез! Стоит освятить квартиру, и может все исчезнет! Мы станем жить вполне нормально.

– Где я тебе его найду в половину первого ночи? – разозлился Макс.

– Ты же полицейский! – удивленно округлила глаза Красовская.

– Но не Бог, чтобы поднять священнослужителя из постели без особого повода...

– Макс!

– Что Макс?

– Приведи его...

– Хорошо, но для этого мне придется оставить тебя одну! – предупредил он, надеясь на этот последний довод.

Журналистка задумалась, прикусив нижнюю губу. В ее все еще испуганных глазах читалось сомнение. Ей было явно страшно оставаться одной в пустой семи комнатной квартире бывшего сумасшедшего.

– Это стоит сделать сейчас... – после долгой паузы, потраченной чтобы набраться храбрости, произнесла Яна. – Закрой меня на все замки и возьми с собой мобильный телефон, чтобы я смогла до тебя дозвониться, если что-то пойдет не так...

– Все будет хорошо... – с тяжелым вздохом произнес Макс, обнимая свою любимую женщину, уже параллельно обдумывая, где ему найти батюшку в такое позднее время.

– Я тебя люблю, Максим...

– И я тебя! – мужчина поцеловал ее в щеку и потрепал по волосам. – Все будет очень хорошо! Я знаю это совершенно точно! Не бойся, я скоро приду...

Он шагнул в прихожую, где переобулся из домашних тапочек в теплые ботинки, сменил форменную куртку, надев обычный пуховик. Яна за его сборами наблюдала с порога спальни. Максим заметил, что за столь короткое время Красовская включила свет везде, где только можно было включить, и распахнула все межкомнатные двери, а вот окна, наоборот, зашторыла.

– Страшно? – спросил он жену, открывая замки входной двери.

– Немного...

– Не бойся, я с тобой, если что набирай... – металлическая дверь захлопнулась, защелкали закрываемые замки. Яна осталась одна в пустой квартире. Холодящий душу ужас прошел, оставив зябкое ощущение беспокойства. Женщина повела плечами, закутавшись в вязанный платок, прошла по всем комнатам, чтобы удостовериться, что она одна... На кухне поставила чайник, чтобы хотя бы немного согреться. Сейчас она не понимала природы своей дрожи, то ли от того, что замерзла, то ли от пережитого ужаса.

Прозрачный чайник с синей подсветкой забулрил, достигая точки кипения. Яна повертела в руках мобильный телефон, копаясь в адресной книге. Последний ее вызов был сделан Дворкину. Именно сейчас ей захотелось ему набрать, чтобы услышать спокойный, рассудительный голос друга. Он точно бы не стал записывать ее на прием в «пятнашку» из-за того, что она увидела демона в образе маленького мальчика. С ним они вместе пережили и не такое! Но Сашка спит, судя по времени на часах уже, как часов пять.

Нет, Максим оставался ее любимым человеком, отцом ее ребенка, но такого искреннего взаимопонимания, как с Дворкиным у нее никогда и ни с кем не было. Чайник выключился, щелкнув прозрачной кнопкой. Вода постепенно прекращала булькать, опадая на дно крупными каплями по стенам. Журналистка достала из ящика зеленый чай и с горкой отсыпала в чашку. Приятный душистый аромат мелисы и бергамота растекся по кухне теплой волной жаркого летнего дня. Помимо воли Яна улыбнулась. Стало намного теплее. Завтра точно слягу с ангиной, подумала она, прихлебывая кипяток, обжигающий искусанные губы.

Раздался звонок в дверь. Женщина вздрогнула и отставила чашку с чаем в сторону. Страх вернулся, закрывшись в сердце неприятным леденящим холодком. По спине шмыгнула пара мурашек, заставляя поморщиться. Кто бы это мог быть? Максим? Но у него есть ключи... Кто-то ошибся этажом? Какой-нибудь пьяный гуляка, припозднившийся по причине выходного дня? Если ошибка, то тогда неизвестный позвонит и уйдет! А если нет? Думать о том, если нет, совсем не хотелось. С другой стороны, когда это нечисти мешали пройти в квартиру металлические двери? Насколько Яна помнила их с Дворкиным приключения, даже он теперь, получив способности погибшей ведьмы Агриды мог спокойно телепортироваться из одного места в другое. Правда, вполне справедливо боялся это делать, потому как телепортация штука

опасная, и исчезнув в одном месте, можно появиться в другом, потеряв в пути какую-то часть своего тела.

Звонок настойчиво трезвонил, раздираясь душераздирающим криком, отражаясь даже в бокалах, стоящих в сервантах. Такое ощущение, что какой-то алкаш нажал на звонок, перепутав этажи, да так и благополучно стоя уснул. Еще пару минут такого отчаянного перезвона и начнут просыпаться соседи.

Янка решительно встала из-за стола, нахмутив брови.

– Трусиха ты, Красовская! – обругала она себя. – Где это видано, чтобы демон звонил в демон, просясь войти?

Подбодрить и убедить себя в собственной правоте ей, кажется, удалось. Женщина двинулась в сторону прихожей, но на всякий случай заглянула в глазок.

На лестничной площадке стоял самый настоящий батюшка в черной рясе, клубку и крестом на шее, отливающим золотом. Темная окладистая борода с проседью спускалась почти до середины груди. Сам он был огромный, напоминая своей фигурой то ли бывшего борца, то ли бывшего борца тяжеловеса. Затемненные очки не придавали ему солидного вида, а лишь подчеркивали его габариты, создавая впечатления, что это не священник, а какой-то бандюган из девяностых, наряженный шутики ради в рясу.

Яна облегченно выдохнула. Максим все-таки нашел ей батюшку! Пусть такого необычного, но стоит ли перебирать в почти два часа ночи? Не каждый пойдет освящать квартиру, будучи выдернутый с постели полковником полиции... Только где сам Макс? Почему-то на площадке батюшка был один, настойчиво не отпуская пальца с кнопки звонка, все больше и больше недовольно хмурясь.

На всякий случай, Яна прежде, чем открывать двери, решила все уточнить.

– Здравствуйте! – прокричала она из-за двери. И батюшка звонок отпустил. В ушах еще по-прежнему отчаянно звенело.

– Благослови, Бог! – батюшка широко перекрестился. В другой руке он держал кожаный саквояж, в котором, наверное, хранил свои церковные приспособления. – Меня Максим, муж твой невенчаный послал! Говорит, что квартира необходимо посмотреть! Помощи просил... – пояснил он, не дожидаясь уточняющего вопроса. Нетерпеливо топтался на месте с не совсем довольным видом. Где его нашел среди ночи такого Макс, оставалось загадкой. Красовская улыбнулась.

– А где сам он? – на всякий случай поинтересовалась она, отпирая замки.

– Работа его потребовала, чтобы он был на месте! В Московском районе опять таксиста ограбили! Грех на душу взяли...

Дверь скрипнула и открылась. Батюшка был точно такой же, как и в дверной глазок. Чудаковатый. Но оставляющий хорошее впечатление. Он широко улыбнулся и перекрестил Красовскую.

– Спасибо, батюшка... – склонила она голову, пропуская священника в квартиру.

– Ну, рассказывай! – попросил он, разуваясь на пороге. Черные туфли с длинными загнутыми носками показались из-под длинной рясы и совсем не соответствовали его солидному виду.

– Эту квартиру мы купили совсем недавно... Раньше тут был офис, – затараторила журналистка, следуя за батюшкой, который, ничуть не стесняясь начал осмотр квадратных метров. Следуя из комнаты в комнату, – а до этого жил совершенно сумасшедший человек. Он писал на стенах разную ерунду, вроде...

– Секундочку! – прервал ее объяснения священника, зайдя на балкон с оторванными обоями. – Не вот это ли? – указал он на наклеенные белой краской буквы «Век. Вак»

– Именно! Такими и похожими надписями оказалась вся квартира разукрашена. Хозяйка фирмы не стали ее ремонтировать, а просто поклеили обои...

– Обычные слова... – пожал плечами батюшка. – Не хуже и не лучше других! Не припомню, чтобы слуги дьявола использовали нечто подобное.

– Дальше, хуже! – заверила его Красовская, совершенно осмелев. – Нам с мужем постоянно кажется, что за нами кто-то наблюдает...

– Странно, Максим мне ничего об этом не говорил, – священник направился в спальню так бодро, что Яна еле успевала за ним.

– Но не нам, а мне... – смутилась журналистка. – Хлопают двери, стучат тарелки и ложки в буфете. А сегодня ко мне около подъезда подошел мальчик...

– Мальчик? – нахмурился батюшка.

– Да, обычный лет четырех мальчик...

– Что же в этом странного?

– Он был одет в шорты и рубашку с коротким рукавом, летние сандалии... – при воспоминании о событиях вечера Яну передернуло.

– И что? – удивился батюшка.

– Это очень странно для марта месяца... – не поняла его удивления Красовская.

– Да? Ну, хорошо, подошел он к вам и что было дальше?

– Он хотел ко мне прикоснуться, но я осенила его крестным знамением, однако, на него оно не подействовало. В глазах горело пламя, а зрачки черные, как сама тьма!

– Обычно крест, животворящий помогает в таких случаях, – хмыкнул священник, останавливаясь в спальне и открывая свой саквояж. Из него он достал лампадку и пучок какой-то травы.

– Нет... Его остановила только молитва! – заверила батюшку Красовская.

– Какая это? – обрадовался батюшка.

– Отче наш...

– Сильная... Очень сильная, – покивал мужчина, поправив очки, – ее часто применяют в таких случаях, потому, как это единственная молитва, данная нам Спасителем!

– Просто, я ее одну и знаю... – помялась Яна.

– Плохо, – кивнул со вздохом батюшка.

– Что именно?

– Кажется, вы одержимы!

– Что? – округлила глаза Яна.

– Бесы внутри вас! Не вокруг, как вы предполагаете, а в вас самих! – пояснил с готовностью батюшка. – А значит, нам надо провести обряд экзорцизма, пока они не захватили вашу бессмертную душу...

– Но... – растерялась журналистка. Она была готова поверить. Что в квартире живет какая-то не упокоенная душа, что бродит призрак, но то, что в ней сидит бес, оказалось для нее сродни шоку.

– Это не больно, поверьте! – заверил ее батюшка, поджигая лампадку и бросая в огонь какие-то травы, выщипывая их из пучка. – Ложитесь на кровать, я прочитаю над вами молитву, и немного подымлю, можно?

Яна кивнула, укладываясь на теплый плед, сложив руки на груди.

– Вот этого не надо! – указал на руки батюшка. – Когда человек скрещивает руки или ноги, то до его души сложно дотянуться. Он закрывается от постороннего вмешательства.

Красовская кивнула, вытянув руки по швам.

– Господь наш... – начал басовитым голосом священник, дымя прямо перед носом журналистки кадилом с травой. – Избавь нас грешных...

Голова Яны вдруг начала тяжелеть. Веки становились неподъемными, а дыхание ровным, как у спящего человека.

– Именем...– слова священника долетели до нее урывками. Сознание затуманилось, окутывая теплыми клубами серого дыма. Она с трудом могла сфокусировать взгляд на черной фигуре, бродящей возле ее кровати.

Какой-то дурман...Подумала она. Так хочется спать! А в квартире посторонние. Очки... Странные очки...Первый священник, которого я вижу в затемненных очках...Обычно это круглые, нелепые, похожие на очки доброго волшебника...Почему я не подумала о них раньше?

Слабость обрушилась теплой волной расслабления...Яна попробовала пошевелить рукой, но ей это не удалось. Почти пудовая голова тянула к подушке все ее тело.

И все же...Почему он в очках?

– Батюшка...– прошептала она. Губы стали шершавыми и сухими, язык еле ворочался во рту. Ее подташнивало от сладкого запаха дыма. Она только сейчас заметила, что священник не читает никакой молитвы. Просто обмахивает ее кадилом и наблюдает.

– Да, дочь моя...– улыбнулся он ей. И в его улыбке ей показалось промелькнуло что-то зловещее. Или это просто бес внутри нее сопротивляется и не хочет выходить?

– Снимите очки... Снимите их...– сквозь туман прошептал Яна. – Прошу вас...Мне плохо...

– Ничего, это пройдет! От Тивитской мяты еще никто не умирал...– улыбнулся священник.

– Снимите эти долбанные очки...– выдавила из себя Красовская из последних сил.

– Как скажешь, дочь моя...

Батюшка потянул за дужки, снимая затемненные «хамелеоны». Яна присмотрелась к его лицу, с трудом сфокусировав взгляд. В черных, как омут глазах, плескалось огненное пламя.

– Кто...ты...– прошептала она, чувствуя, как силы окончательно оставляют ее.

– Я Координатор! – отчетливо проговорил неизвестный в рясе, коснувшись ее руки. Мир ее закрутился в сладковатом тумане и исчез, полностью погрузив ее сознание во тьму.

7

Харьков 2019

Вы когда-нибудь искали священника посреди ночь в Харькове? Нет... Тогда вам крупно повезло! В столь поздний час в Первой столице Украины можно найти все, что угодно: девочек для веселого препровождения, не отягощенных принципами, легкие и тяжелые наркотики, подпитых гопников, которые вежливо потребуют с вас наличность, даже приключений на свою совесть... Но вот со священниками в городе напряг. Максиму удалось поднять на ноги всех своих подчиненных, прежде чем один из них Володя Сизых не привез ему в управление совсем молодого батюшку с клиновидной узкой бородкой, сонного и возмущенного столь хамским поведением полиции.

Но, когда он услышал всю историю до конца, то без всяких возражений и упреков согласился помочь в столь богоугодном деле. Около половины четвертого, заехав предварительно в храм за святой водой, они отправились к ним домой, чтобы по просьбе Яны освятить всю их квартиру.

Максим очень переживал за здоровье жены. Такой, какая она была два часа назад, он ее никогда не видел. Сколько ужаса плескалось в ее глазах, как ее трясло от каждого шороха! В конце концов, полковник полиции принял решение, что неплохо было бы, чтобы батюшка действительно провел хоть какой-то ритуал.

Он был материалистом до мозга костей. Для него все эти истории с магией, оккультными науками и экстрасенсорикой были всего лишь рабочими моментами, связанными с надувательством и аферами граждан. Не раз и не два ему приходилось расследовать дела, в которых главными фигурантами дела становились люди, которые называли себя колдунами первой ступени или экстрасенсами высшего уровня силы, выманивающие деньги у доверчивых граждан миллионами. Все это, безусловно, наложило неизгладимый отпечаток на его отношение к потусторонним силам.

Потому то, он и относился так к этому писателю Дворкину, который основу для своих романов, как он сам писал, находил в своих же приключениях. Кто он, как не аферист, обманывающий граждан, зарабатывая на продажах своих произведений?

Машина заехала аккуратно на бордюр одним колесом и заглохла. Благо, от управления полиции до их дома ехать было теперь недалеко. Жестом полковник предложил батюшке выйти.

– Хороший район! – оценил молодой священнослужитель, поправляя рясу, перекрутившуюся во время поездки. – Вроде и центр, а тихо, как будто спальный район... Почти не слышно движения, которое присутствует на Сумской и Пушкинской...

– Да... – кивнул Максим, включая сигнализацию на своем «Лексусе». – Пройдемте, у нас третий этаж.

Довольно быстро они поднялись. Максим спешил, перепрыгивая через ступеньку. Его сильно волновало то состояние Яны, в котором он был вынужден ее оставить одну. В таком состоянии прыгают с балконов, делая шаг в бездну. Уж это, он знал не понаслышке. На нужном этаже было тихо. Жители окрестных квартир все еще не проснулись, хватаясь за последнюю возможность перед пробуждением досмотреть самый сладкий сон.

– Сейчас... – Максим осмотрел входную дверь на предмет вскрытия. Еще с давних времен, с начала службы в органах МВД у него появилась удивительная привычка оставлять на своей квартире метки, по которым можно было определить входил ли кто-то в его отсутствие домой или нет. В этот раз длинный волос Яны, прикрепленный чуть выше среднего человеческого роста между косяком и дверью, остался на месте. Щелкнул дверной замок, впуская их с

батюшкой в прихожую. Обувь стояла на месте. Тапочки Красовской в истерике, сброшенные как попало валялись под ногами. Макс наклонился и поставил их на месте.

– Наверное, она уснула... – пожал плечами полковник полиции, пропуская батюшку на кухню. – Сейчас я ее позову!

Он повернул в ту сторону коридора, который вел к их спальне, дверь в которую была слегка приоткрыта.

– Яночка... – тихо проговорил он, чтобы не напугать свою жену. Тишина... Только кварцевые часы на стене в форме парусника мерно отбивали свой ритм. Заглянул внутрь. Кровать была пуста. Скомканное одеяло валялось на полу. – Где же ты есть...

Сердце захолонуло от неприятного предчувствия. Мысль о балконе пугало и наводила ужас. Он резко метнулся по коридору, попеременно распахивая двери комнат одну за другой.

– Яна! – уже совсем не стесняясь, громко прокричал Максим. – Красовская!

Батюшка с тревогой наблюдал за его передвижениями, сопровождая напряженным взглядом.

– Яна! Ты где?! – мужчина со страхом толкнул балконную дверь. Пусто! Посмотрел вниз, внутренне надеясь, что все же ошибся... Слава Богу, никаких следов. Асфальт был абсолютно чист, высокие перила не поцарапаны...

– Что-то случилось, сын мой? – наконец, когда Максим обессилено, выдохнул и сполз по стене ведущей на балкон, уставившись в одну точку, спросил батюшка.

– Нет... – после минутной паузы произнес полковник полиции. – Нет, святой отец... Все хорошо! Все просто отлично...

– А где же ваша супруга? – молодой батюшка не понимал, зачем его выдернули с постели посреди ночи.

– Где она... где... – будто сам с собой, проговорил Максим. – Ей, наверное, стало лучше, и она решила прогуляться, подышав свежим воздухом!

– В четыре часа ночи? – удивленно вскинулся батюшка.

– Уж такая она у меня странная... – решение Максим принял. Рывком встал, снова превращаясь в полковника полиции, смелого и решительного, не знающего, что такое сомнение. Если Красовская пропала, то он сам ее найдет! Почему-то Макс был уверен, что это все связано с дневником Митусова и надписями на стенах. А кто у нас главный специалист по этому делу... Дворкин... Ему-то он и наберет! А сейчас... – Я приношу свои извинения, что выдернул вас вот так, среди ночи... Но ситуация была действительно сложная...

– Я все понимаю. В этом нет ничего страшного! Помогать страждущим мое призвание... – батюшка направился к выходу из квартиры.

– Я вызову вам такси! – крикнул ему вдогонку Макс.

– Спасибо, не стоит! – обернулся уже на пороге священнослужитель. – Я, пожалуй, тоже прогуляюсь по ночному Харькову.

Дверь хлопнула, и Макс остался один. Недолго думая, он достал телефон и стал набирать номер Дворкина, то есть меня...

8

Планета Тивит 2094 год
Тивитского летоисчисления

Яна очнулась оттого, что ледяной холод стал сковывать тело. Кончики пальцев стали, как камень и онемели. Она попробовала двинуть рукой, но ничего не вышло. Ее запястье было накрепко прикручено жестким металлическим обручем к кушетке, на которой она лежала. Двинула ногой, тоже самое... Лодыжки удерживала какая-то малознакомая ей штука, напоминающая своим внешним видом наручники. Пора было бы и осмотреться...

Она осторожно открыла глаза, щурясь от яркого света, заполнившего комнату, больно бьющего по глазам. Огляделась по сторонам. Попыталась повернуть шею, но та тоже была намертво закреплена металлическими кандалами.

Обычная комната, выкрашенная в идеально белый цвет, создающий впечатление, словно находишься где-то в раю. Над потолком закреплены несколько ламп дневного света. Одна из них висит прямо над ее головой. В углу установлен табурет, письменный стол, на котором аккуратными стопками сложены какие-то бумаги, напоминающие личные медицинские карточки из поликлиники. На столе компьютер-моноблок без клавиатуры и мышки, какого-то неизвестного ей производства. И больше ничего!

Она с трудом повернула закрепленную шею в противоположную сторону, пытаясь увидеть еще что-нибудь полезное. В другой части комнаты было расположено окно с каким-то странным пейзажем, словно нарисованным, до того умиротворенные были птички, порхающие с ветки на ветку в лиственном лесу, мерное колышание могучих стволов деревьев, шелест ветра. Пастораль!

Красовская снова пошевелилась. Скосила глаза вниз, на свои ноги. Ничего удивительного в том, что она мерзла! Кто-то ее переодел в ночную тонкую бязевую рубашку, спускающуюся почти до щиколоток. Ноги остались голыми. Лежала она на чем-то металлическом, напоминающим по ощущениям медицинскую кушетку. Обруч, который ее держал, светился маленькими неоновыми зелеными огоньками, перемигивающимися между собой с непонятной для Красовской активностью. Но как только она чуть сильнее дернула ногой, пытаясь высвободиться из захвата, цвет огоньков мгновенно сменился на красный. Они замигали интенсивнее, поднимая тревогу.

Яна замерла, обдумывая свое положение. Все вокруг мало походило на обиталище дьявола, скорее, на лечебное учреждение. Мелькнула мысль, что Максим все-таки последовал совету врача скорой помощи, и пока она спала, упрятал ее в «пятнашку», а подставной батюшка был лишь плодом ее разгоряченного воображения. Или вообще ей приснился.

С другой стороны, она никогда не думала, что в психиатрической больнице города Харькова есть вот такие VIP палаты. Тут было идеально чисто, словно в операционной, чисто и пусто.

Дверь отъехала в сторону почти без скрипа, что тоже было ново для Красовской. В ее понимании больницы выглядели несколько иначе, старые обшарпанные стены, совсем невежливый персонал, смертельно уставший за нищенскую зарплату трудиться на благо Отечества, полное отсутствие современной техники и новых лекарств. А тут сенсорные двери! Может это чей-то личный кабинет? Какого-нибудь сынка олигарха, от нечего делать, решившего заняться психотерапией. Все ее сомнения исчезли, когда в комнату вошла женщина невысокого роста в белом накрахмаленном халате до пят. На голове у нее была одета традиционная врачебная шапочка, стройные ножки были обуты в аккуратные туфельки лодочки с невысоким каблуком.

– Все-таки психушка... – пробормотала Янка про себя, но входящая ее услышала, тут же вежливо уточнила:

– Вы что-то сказали? – улыбнулась она, повернувшись к Красовской. И в этот момент женщине стало страшно. Вместо глаз докторши внутри зрачков плескалось огненное пламя. Точно такое же, как было у маленького мальчика возле их подъезда, точно такое, какое она запомнила у поддельного батюшки, назвавшего себя Координатором.

– Нет... – попыталась покачать головой Яна, но металлический обруч больно врезался ей в шею. Огоньки тут же сменились красными и где-то на пределе человеческой слышимости, Красовская услышала тонкий писк аппаратуры. Значит, это не просто кандалы, но и сигнализация! Вот, почему так быстро пришла их врач, как только журналистка начала двигаться интенсивнее, чем положено во сне.

– Вы абсолютно правы! – улыбнулась доктор. – Эти датчики передают нам ваше состояние в полном объеме, от учащенного сердцебиения, до работы желез секреции. В данный момент вы замерзли и, кажется, хотите в туалет... – врач взглянула на экран небольшого смартфона, умещающегося в ладони, и тут же добавила:

– Кроме того, у вас наблюдаются нервные всплески, вызванные состоянием паники, появляющиеся каждый раз, когда вы видите мои глаза! Если хотите, то я могу надеть очки... – врач достала из нагрудного кармана затемненные хамелеоны, точно такие же, какие были на поддельном батюшке.

– Не надо... – выдавила из себя Янка. Для начала ей надо было успокоиться и выяснить, куда же она все-таки попала, а, падая в обморок и впадая в истерику, это сделать будет совсем нелегко.

– Замечательно! – улыбнулась врач. – Если честно, то вы ведете себя намного спокойнее, чем многие ваши особи. Не кричите, не пытаетесь драться... Достойный экземпляр! – похвалила она журналистку, которая так и не поняла. Радоваться ей или все же бояться!

– Кто вы? Где я?

Врач проигнорировала ее вопрос, сделав вид, что не услышала. Прошла к столу и уселась за компьютер. Со своей кушетки Яна могла наблюдать за ней, решив пока не пороть горячку, а выяснить все, как следует. В конце концов, она была журналисткой, а эта профессия не меньше, чем другие несла в себе опасности и такие ситуации, подобные этой.

Доктор провела пальцем по экрану, запуская экран. Мелькнула знакомая заставка «Windows» только немного необычная. Вместо привычного флажка Яна увидела радугу и цифру 85. В отличие от компьютера Яны, на рабочем столе здесь царил абсолютный порядок. Все значки находились в одном месте, расположенные в строгом порядке. Врач нажала пальцем на один из них, и на экране развернулась какая-то схема с разноцветными пульсирующими линиями синего, красного и белого цвета.

– У вас крепкая нервная система, товарищ Красовская! – с легкой завистью проговорила доктор, щелкая пальцами по экрану, то увеличивая одну из линий, то сворачивая ее обратно до размера ниточки. – Красные нити – это те нервные окончания, находящиеся в состоянии стресса, – пояснила она, – как видите их у вас порядка 25%, синие определяют нормальную работу головного мозга, мышление... Их порядка 60%. Вы сейчас о чем-то сосредоточенно думаете, что неудивительно в вашем положении. Белые – спящие нервы в состоянии покоя...

– Кто вы? – напряглась Яна, стараясь ни о чем не думать. Если эти врачи способны разложить мозг на ниточки, то нет никакой гарантии, что им недоступно и считывание мыслей из ее головы.

– Обычно после встречи с Координатором красные нити преобладают и занимают почти 95%! У вас все на удивление стабильно... такое ощущение, что вас ничего не удивило в происходящем! – проигнорировала снова вопрос доктор. – а что у вас с иммунной системой...

– Скажите, черт возьми, где я нахожусь и кто вы такие! – взревела разозленная Яна. Страх куда-то ушел, оставив место для гнева. Женщина дернулась на кушетке, пытаясь подняться, но датчики обручей, удерживающих ее, неожиданно замигали бордовым цветом, и тело Яны

пронзила острая боль электрического заряда, будто сотни иголок врезались одновременно в ее тело, оставляя во рту противное металлическое послевкусие. Она рухнула обратно, протяжно застонав.

– Каждая попытка к освобождению будет приводить к увеличению мощности электрического заряда, – спокойно и вежливо пояснила доктор, – боль будет становиться нестерпимой... Так что не советую вам даже пытаться!

– Иди к черту! – взревела упрямая Красовская и, собрав последние силы, рванулась вперед. Горло обожгло огнем. Острая стрела проникла в мозг, основательно потряхнув черепную коробку. На миг она потеряла сознание от боли, а когда очнулась, то все было по-прежнему. Доктор с улыбкой наблюдала за ней. Обручи были на месте, а огоньки на них горели зеленым.

– Я поняла... – выдохнула журналистка, тяжело признавая свое поражение. Язык во рту набух и еле ворочался, не помещаясь внутри.

– Это хорошо, товарищ Красовская, что мы с вами без особых проблем нашли полное взаимопонимание. Как говорит наш вождь и учитель, товарищ Сталин, все наше общество, наш строй, наши принципы и взаимоотношения зиждутся на взаимопонимании и взаимопомощи.

– Товарищ кто? – не поняла Янка, решив, что знакомая фамилия ей определенно послышалась.

– Товарищ Сталин председатель ЦК Коммунистической партии... – ничуть не смутившись, объяснила терпеливо доктор.

– Тот самый Сталин? – через недолгую паузу уточнила журналистка, выпучив изумленные глаза.

– Тот самый, тот самый, деточка! – улыбнулась доктор, доставая фонендоскоп, вполне обычный, человеческий, без всяких электронных примочек.

– Понятно... – кивнула Яна, терпеливо наблюдая, как доктор задирает ей ночную рубашку и начинает самым бессовестным образом щупать ее. Значит, точно в дурку Максим утек. Решила она. Надо же и Сталин у них тут есть свой... Ничего удивительного в этом не было. Судя по интерьеру палаты, тут квартировали, отнюдь, не схватившие «белочку» работяги с какого-нибудь завода.

– Вы хорошо сложены внешне! Замечательный экземпляр! – похвалила ее врач, но почему-то Красовской стало неприятно, словно лошадь на Конном рынке оценили. – Рожали? – пальцы доктора скользнул куда-то в ту область, в которой другим пальцам, кроме пальцев мужа и быть запрещено. Яна кивнула, куда деваться, когда привязан непонятными устройствами к холодному металлическому столу.

– И недавно... Ребенок где?

– Если вы хоть пальцем тронете... – журналистка забыла про обручи и попыталась дернуться навстречу ухмыляющемуся доктору. Электрический разряд, на этот раз не самый болезненный, сотряс ее тело до кончиков пальцев. От боли она зажмурилась. Но стерпела, чтобы не закричать.

– Ваша агрессия вас не красит! – укоризненно покачала головой врач. – От такого выражения лица, как у вас сейчас, появляются мимические морщины...

– Если вы хоть...

– Вынуждена вас перебить, товарищ Яна. Судя по моим наблюдениям, родили вы совсем недавно. Ребенок должен быть еще грудной. Его необходимо кормить, и, если Координатор прибыл не только с вами, мне необходимо обследовать и вашего малыша, организовать его питание и сон!

– Не дождетесь!

– Тем лучше... – врач закончила осмотр, грубо одернула рубашку и вернулась за компьютер. Что-то там защелкала по экрану пальцем, набирая какой-то текст. Как поняла Красовская, заносила результаты осмотра. Окно было совсем близко. Всего лишь один прыжок, и она ока-

жется на свободе. Судя по пейзажу за стеклом, там было нечто очень похожее на парк для прогулок. Вырваться в лес, а там, пусть ищут среди дубов и сосенок...Голая, без документов, без одежды и снаряжения? Засомневалась Яна.

– Окно – это всего лишь имитация живой природы! – сообщила ей, как бы невзначай, врач, продолжая что-то печатать.

– Вы читаете мои мысли? – негодуя нахмурилась журналистка.

– Можем, но у вас все написано и без всякого чтения на лице...– врач неожиданно встала и прошла к окну. Листнула ладонью по экрану, меняя картинку. Вместо лиственного леса изображение сменилось на голубой водопад, мерно журчащий по круглым валунам, заросшими водорослями.

– Кому-то нравится пустыня...– доктор снова провела ладонью по экрану. И на нем появились желтые песчаные барханы. Легкий бриз гнал песок куда-то в сторону восходящего солнца, а рядом с небольшим камнем полз скорпион, воинственно размахивающий хвостом. – Кому-то лед и холод...

Семья белых медведей брела куда-то по иссини-черному льду, аккуратно переступая через снежные перемычки.

– Хватит, я поняла! – остановила женщину Яна.

– Вот и отлично! – обрадовалась доктор. – Спешу предупредить, что за плазменным экраном находится самая настоящая кирпичная стена, усиленная титановой основой с применением суперпрочного пластика.

– А как выглядит пейзаж за окном на самом деле? – прищурилась Красовская.

– Этот вопрос, товарищ Яна, вам лучше задать Координатору. А вот, кстати и он...

Дверь отъехала в сторону, и на пороге стоял тот самый батюшка, с помощью какой-то неизвестной ей магии утащивший ее из собственной квартиры.

9

Харьков 2019

Приехали мы домой со Светкой далеко за полночь. Мишка уже спал, видя десятый сон, а вот из спальни Эльвиры Олеговны доносился недовольный ропот моей много обожаемой тещи. Она громко отчитывала за что-то нашу младшую дочь Дарью, видимо вспомнив, что по призванию она все-таки воспитатель, Светкина мама, что-то настойчиво пыталась вдолбить совсем маленькой девочке.

Мы переглянулись, прекрасно понимая в чем дело. Мишка стал уже совсем взрослым. Имел на каждое предложение свое собственное мнение, и далеко не всегда это самое мнение совпадало с мнением его любимой бабушки. Из врожденного упрямства, доставшегося ему от родного отца, Миша не воспринимал никаких советов, отчего у них регулярно вспыхивали конфликты, на почве несогласия с авторитарным мнением старшего поколения. Эльвира Олеговна, похоже, махнула на внука рукой и переключилась активно на бедную Дашку, которая не то, что сопротивляться тлетворному влиянию бывшей заведующей детского сада не могла, но и ходила то с трудом. Изредка выговаривая вместо слов традиционные «ба», «па» и «ма».

– Вот смотри, Дашуль, это у нас цветочек, а это котик... – ласковым голосом приговаривала теща, показывая что-то сидящей на диване напротив нее Дашке.

– А это... Ну-ка смотри сюда... Кто это у нас?

– Не... – упрямо отвернулась дочка.

– Дашенька... смотри... какая у нас зайчик тут! – я подмигнул жене, плотно прикрывая за собой дверь в тещину спальню.

– Педагогический процесс в действии! – улыбнулась Света, стараясь не шуметь.

– Еще какой!

– Дашка! Черт тебя побери! – раздался разозленный крик Эльвиры Олеговны, больше похожий на рев раненного гепарда. – Почему-то ты меня не слушаешься?! Куда ты смотришь все время? Вот книжка... Вот зайчики... Зачем я тебе тогда ее показываю!

– Но педагогики хватило ненадолго... – заметил я, отходя на всякий случай подальше от спальни, дабы не попасть под горячую тяжелую руку тещи.

– Дашка, не надо!

В спальне что-то полыхнуло. Раздался оглушающий хлопок, и комнату Эльвиры Олеговны озарила яркое огненное зарево. Потом нас, уже бегущих навстречу, догнал отчаянный вопль Светкиной мамы, пулей, вылетевшей из комнаты. Лицо ее было перекошено от злости и вымазано золой.

– Мам, что...

– Ну и дочурка! Вся в папашу! – зло буркнула Эльвира Олеговна, бросив на меня уничтожающий взгляд, пробегая в ванную. Я хмыкнул и заглянул в спальню, где уже Светка с тревогой осматривала сидящую на диване абсолютно спокойную Дарью, весело разбивающую старенький телефон-раскладушку. Рядом с ней, на том месте, где восседала теща в порыве педагогического азарта, на диване лежала аккуратная кучка пепла – это было единственное, что осталось от книги.

От всей души я рассмеялся, понимая, что Дашка не желая рассматривать котиков и зайчиков, разозлилась от настырности бабушки и просто спалила ненавистный учебник.

– Черте что в доме творится! – возмутилась Эльвира Олеговна, заходя обратно, уже умытая, немного ворчливая, но, в принципе, довольно спокойная. – Немедленно поговори со своей дочерью, Дворкин! Подумаешь, не по ее получилось! Зачем книгу сжигать, ты мне скажи?

– Как так получилось? – с интересом поинтересовался я.

– Сидела, показывала ей картинки, а она то туда, то сюда, вертеться, как будто шило у нее в одном месте! – с жаром начала жаловаться теща. – Ну я ей пальчиком и погрозила. Мол, надо слушаться старших...

– И?

– И что «и»? Дворкин? – захлебнулась гневом Эльвира Олеговна. – Посмотрела доча твоя на меня, а у меня книга, как вспыхнет пламенем в руках. Я ее бросила и быстрее руки пантенолом мазать.

– Дай-ка, мне их посмотреть... – попросила жена.

– Да нет там ожогов! – заворчала уже спокойно теща. – Все ваша магия проклятая! Один призраков видит и судьбу всего человечества, вторая глазами предметы может сжигать... Не дом, а какой-то дурдом! Вот посмотрите-ка, смотрите, сидит и ломает телефон... Бандитка!

Мы обернулись на Дашку. Которая, уже зевая, без особого энтузиазма колотила по спинке кровати мобильником.

– Что за шум, а драки нет? – Мишка, подтягивая шорты, протирая с трудом открывающиеся сонные глаза, забрел в тещину спальню, где мы все собрались.

– А чего это вы одетые? – посмотрел он нас. – С Дашкой что-то? – с тревогой уточнил он.

– Мы... – только сейчас я заметил, что за всеми этими событиями мы даже не успели разуться.

– Да тут бабушка... – начала объяснять Света.

– Что опять бабушка! – возмутилась Эльвира Олеговна. – бабушка вам покоя не дает, а у меня, между прочим, сердце и давление! А я с вашими оболтусами и днем и ночью мучаюсь... Нашли себе домоправительницу... – заявила она, гордо удаляясь на кухню, чтобы, видимо, померить подскочившее давление. Втроем мы рассмеялись, сразу вспомнив колоритную фигуру Фрекен Бок из незабвенного Карлсона. Вот уж, точно, домоправительница.

– А Дашка-то уже все... – кивнул сонный сын нам за спину. Света обернулась, мельком взглянула на часы.

– Уже почти два! А она еще не в кровати! Ну-ка быстро все спать! – если с командами Эльвиры Олеговны мы своим мужским коллективом еще могли поспорить, то если приказ отдавала Света, лучшим вариантом было его исполнить. Миша срочно шмыгнул в ванную. Я в коридор, где меня уже догнала жена с находящейся в полудреме дочкой на руках.

– Саша...

– Да, милая, – устало ответил я, вешая свой пуховик. Усталость и невыспанность навалились как-то сразу и одновременно. Я почувствовал себя разбитым, как старое корыто.

– Можно, чтобы дочка спала с нами?

– Конечно, дорогая, – тут же согласился я, – уж извини исполнитель долга из меня супружеского сегодня никакой... Ложитесь отдыхать, а я немного поработаю и приду.

– В два ночи?

– Как у настоящего писателя у меня ненормированный рабочий день! – улыбнулся я, поцеловав жену в нос. Посмотрел на сопящую малышку, проведя ладонью по белоснежным кудряшкам, спадающим на лоб. Дашка что-то видела во сне, чему улыбалась, причмокивая губами. Интересно, что за сны им снятся? Про манную кашу что ли, что они такие счастливые, когда спят? Правда, если бы мне сейчас приснилась бы полная тарелка манки, то я вряд ли бы выглядел таким ангелочком.

– Как книга? – шепотом поинтересовалась Света, слегка покачивая нашу малышку.

– Пока никак... – Мишка по дуге обогнул нас с закрытыми, чуть не врезавшись в дверной косяк. Громко хлопнул дверью, скрываясь в своей комнате.

– Все так плохо? – с тревогой поинтересовалась жена.

– Пока никак... – хмуро кивнул я, направляясь на кухню.

– Все получится... – догнали меня в спину ободряющие пожелания жены.

Еще бы...Выхода-то у меня нет. Либо я сдам к концу месяца очередной роман, либо Елена Эрнестовна – мой любимый редактор, так же любя меня и растлит где-нибудь на Московском проспекте, заставляя отрабатывать долг перед издательством.

– Как самочувствие, Эльвира Олеговна? – поинтересовался я, открывая ноутбук и окно во двор, чтобы закурить.

– Нормально, – буркнула она, выходя из кухни. Уж запаха дыма она не переносила точно. Особенно когда я курил нагло в ее вотчине, где среди сковородок и кастрюль она в зависимости от настроения чувствовала себя либо рабой, либо богиней.

– Да... – устало проговорил я, косясь на часы. За всеми разговорами, спасениями горящей тещи и прочей ерундой включая дорогу, я не заметил, что утро почти наступило. Светящиеся синим цифры на электронных часах, стоявших на микроволновке, показывали половину четвертого. Щелкнул чайником, надеясь, что хотя бы крепкий кофе отгонит от меня сонную одурь и усталость, уступив место нормальному рабочему настроению. Открыл чистый документ, набрав крупными буквами посередине «Пролог». Начало положено...Только про что писать дальше? Что за пролог? Сигарета почти дотлела до середины, а голова оставалась такой же чугунной и пустой. Ни одной мысли в нее, так и не заскочило. Я распахнул пошире окно, вдыхая аромат харьковского воздуха, густо разбавленного запахами выхлопных газов и речной свежести, и мазутной весенней сырости. По двору промчался чей-то бульдог с дорожным строгим ошейником, следом за ним в, впопыхах не разбирая дороги семенила хозяйка. Надо же...Кто-то еще собак в такое время выгуливает?

На столе тихо завибрировал мобильный, медленно, но упрямо сползая к краю столешницы.

– Кто там еще... – я бы ничуть не удивился, если бы это была Елена Эрнестовна, мой верный и безумно терпеливый редактор, который все еще настойчиво доказывал руководству издательства, спустя два года после выхода последней книжки, что и я уж на что-то гожусь. Но нет... Абсолютно незнакомый номер. Сто лет мне вот с утра не набирали, не боясь разбудить. Абонент на том конце был довольно настойчив, наяривал упрямо, что позволило мне все-таки трубку снять.

– Слушаю!

– Александр? – голос на том конце провода показался смутно знакомым. Я его даже слышал не так давно, те же хмурые нотки, та же излишняя серьезность и вальяжность. Максим...Муж моей сумасбродной подруги, вот кто это!

– Да, Максим! Что-то случилось? – сердце екнуло от нехорошего предчувствия, кольнув куда-то в области ребер.

– Нам надо срочно встретиться! – коротко отрезал полковник полиции.

– Время-то позднее... – смутился я. Мне совсем не хотелось куда-то срываться на ночь глядя. – Или слишком раннее...Это с чьей стороны посмотреть!

– Яна пропала! – сообщили мне на том конце гробовым голосом, от которого я замер, переваривая с трудом услышанное.

– Что значит, пропала? – изумился я, вспомнив, что каких-то несколько часов назад журналистка «Вечернего Харькова» провожала нас возле своего подъезда.

– Поговорим на месте! – безапелляционно заявил Макс, как будто я уже согласился. – Адрес помнишь?

– Помню... – буркнул я, понимая, что он кругом прав. Не мог я отказаться от этой ночной поездки, когда моя верная подруга, видимо, вляпалась в очередную историю. Сбросил вызов, с грустью поглядев на голубой экран ноутбука, на котором сиротливо смотрелось слово «Пролог». – Извини, Елена Эрнестовна, но, кажется, написание нового романа нам все же придется отложить...

С этими словами я отправился предупредить родных о своем исчезновении, и вскоре ждал возле подъезда заказанное такси.

10

Планета Тивит 2094 год

Тивитского летоисчисления

– Товарищ Координатор! – медсестра даже подскочила со своего места при виде батюшки, вытянувшись в струнку, что твой солдат на плацу. Из чего Яна сделал вывод, что этот обманщик имеет неплохой вес во всем этом сумасшедшем доме. – Объект обследован. Не имеет никаких ярко выраженных патологий, инфекциями не заражена, нервная система крепкая. Докладывала старший сотрудник НИИ «Медицина» товарищ Кошкина.

– Благодарю за службу, товарищ Кошкина! – улыбнулся батюшка, скривив вялое подобие улыбки из-под своих очков-хамелеонов. – Значит, объект здоров...

– Это наш лучший экземпляр за все время проведения опытов.

Опытов... Яна нервно сглотнула. Куда это ее на этот раз занесло? Какие опыты? Где эта лаборатория? Кто эти люди? Почему они все называют друг друга товарищами, как будто в СССР? Мгновенно вспомнилась история с «Книгой Судеб». Там тоже спецгруппа КГБ пыталась реанимировать союз нерушимых с помощью магии... Может, и эти так же, только на научной основе? Но для нынешних коммунистов все было здесь слишком уж богато и с размахом, достойным самого олигарха Рахметова или Славки Заславского – их общего с Дворкиными друга.

– Лучший, говорите... – задумчиво проговорил липовый батюшка, наклоняясь к Красовской поближе, всматриваясь в лицо Яны, как в лабораторную крысу, которую тут же собирается препарировать. Журналистка взгляд не отвела, хотя страшно было очень. В нос пахло запахом дорогого одеколона, мужского тела и каких-то благовоний, наверное, остаточный аромат, после освящения их с Максом квартиры, где же ты милый Максимка, настоящий полковник? Очки вблизи пылающее пламя в глазах скрыть не смогли. Жар обдал лицо Яны, заставив щеки мгновенно заалеть.

– Действительно, хороший экземпляр! – похвалил он ее после минутного разглядывания. – Многие на ее месте теряли сознание, кричали о несправедливости, грозили милицией, а некоторые даже, как это структура у них называется... – Координатор обернулся к медсестре, замершей возле приборов, словно памятник самой себе.

– СБУ, товарищ Координатор! – с готовностью подсказала она, угодливо улыбаясь.

– Вот-вот, даже СБУ! Какое смешное название... – скривился он. – А эта ни проронила пока, ни слова, все лежит, глазами сверлит, будто дырку во мне прожечь пытается...

Медсестра рассмеялась так, словно ее начальник очень удачно пошутил. Журналистку удивила фраза «у них». Она что, попала в руки российской разведки или Ми-6? Да ну, ерунда! Зачем она российской разведке, а тем более англичанам?

– В данный момент она думает... – начала было она доклад, но была прервана.

– Товарищ Кошкина, оставьте нас! Я, думаю, что товарищ Красовская мне сама расскажет о своих мыслях...

– Есть! – коротко, без лишних споров согласилась медсестра.

– Если что, то мы вас позовем...

Негромко цокая невысокими каблуками, Кошкина вышла из палаты, оставив их наедине. Яна выжидательно посмотрела на Координатора, даже не пытаясь двинуться или напасть. Слишком ярко было еще в памяти удар электрическим током, предупреждающий побег.

– Кем вы работали до того, как попали к нам? – нахмурился Координатор, пытаясь угадать. Потом прошел к окну и жестом сменил пейзаж на сосновый лес. За стеклом возникло бескрайнее море сосен, стволы которых густо были облеплены смолой, прямые, они устремились куда-то вдаль, в такое далекое и одновременно близкое голубое небо. Полянки вокруг

них были усыпаны опавшими иголками. Ощущение присутствия было настолько реальным, что Яне показалось, что в нос ударил смолистый запах свежей ели.

– У вас удивительно крепкая психика... Такая нервная система бывает у врачей, товарищ Кошкина мне не даст соврать, у правоохранителей и, пожалуй, у разведчиков... Вы кто будете?

– А то вы не знаете... – скривилась Красовская.

– Конечно, знаю. Я много чего о вас знаю... Но хотелось бы завязать доверительный разговор...

– Для начала такого разговора хотя бы отцепите меня от этого всего! – Красовская кивнула на обручи, туго стягивающие ее шею, лодыжки и запястья.

– И вы тут же попытаетесь на меня напасть?

– Боже упаси... – при этих словах Координатора передернуло.

– Ну хорошо... И тогда мы поговорим?

– Это и в моих интересах! – попыталась кивнуть Красовская, но острая боль снова свела судорогой все ее конечности. – Да отключите эту ерунду, наконец! – взревела она раненым зверем, сверля Координатора разгневанным взглядом. – Неужели, такой большой и крепкий мужик боится простую женщину?

Батюшка ухмыльнулся, громко и неприятно поцокав языком. Яну передернуло от увиденного. Она была не уверена, но, кажется, что язык у Координатора был раздвоенным наполам, как у настоящей змеи.

– Хорошо... Но обещайте мне...

– Я все вам пообещаю, товарищ Маузер! – с готовностью согласилась журналистка.

– Кто это?

– Не важно! Отключайте меня от ваших приборов...

Координатор улыбнулся и прошел к погасшему компьютеру. Несколько раз провел ладонью по экрану, запуская систему. Монитор замерцал, запуская заставку с рабочим столом.

– Только не пробуйте...

– Я все уже поняла! – прервала его нетерпеливо Яна, заерзав на холодной кушетки. Спина и все остальные части тела, касающиеся ледяной металлической поверхности, ужасно замерзли. Хотелось горячего кофе, и свалить из этой больничной палаты.

Где-то в области шеи кольнуло, выпуская остаточный электрический разряд. Огоньки замерцали на всех оковах одновременно и так же быстро потухли, мигнув красным светом. Щелкнуло, и браслеты расцепились, освободив Красовскую из заключения. Мгновенно она умудрилась вскочить со своего места, ежась от неприятных мурашек, заскакавших по ее телу, ничуть не озабочась тем, что короткая ночнушка задралась, оголив довольно стройные ножки.

– Сейчас кофе горячего, и я буду почти готова к продуктивной беседе, – произнесла она, осматриваясь вокруг более тщательно. Палата, как палата, ничего обычного кроме компьютера и окна с меняющимся пейзажем не было. При ближайшем рассмотрении то, что она считала окном, оказалось обычной обманкой. Только теперь, вблизи, журналистка поняла, что перед ней обыкновенный сенсорный экран, вроде электронной фотографии, картинки в которой можно листать, согласно своему разумению.

– Кофе? – удивленно расширил зрачки Координатор, выключая компьютер. – Но этот напиток сильно сажает печень, от него поднимается давление и возможно происходят необратимые изменения сердечно-сосудистой системы!

– Я нахожусь в плену у неизвестно кого, мужика с раздвоенным змеиным языком и огоньками пламени в глазах, меня похитили из собственной квартиры и обещают ставить надо мной опыты, словно над лабораторной крысой. Жутко замерзла, а вы мне говорите про сердечно-сосудистую систему и скачок артериального давления? – возмущенно съязвила Яна.

– Но у нас нет кофе... – растерялся Координатор. – Его запретили производить еще, когда... Впрочем, это не столь важно! – смешался он, чуть не проговорившись, безусловно, о

чем-то важном. Журналистка наострила уши, но мужик с бородой был слишком опытен и хитер в делах переговорных, и еще раз поймать себя на оговорках не дал.

– Кофе у нас нет, зато есть прекрасный змеиный чай! Он прекрасно тонизирует, омолаживает кожу...

– Змеиный? – нахмурилась Яна. – Что-то типа цейлонского?

– Какого?

– Понятно... – обреченно кивнула Красовская, которая, сбросив с себя оковы, почувствовала себя намного увереннее.

Координатор нажал какую-то панель на столе, которая мгновенно вспыхнула разноцветными огоньками. Среди всей этой компьютерной техники, Яна с облегчением рассмотрела знакомый динамик переговорного устройства, на котором белыми крупными буквами было написано «Байкал».

– Товарищ Кошкина, – позвал тот, кто представился ей перед первым знакомством батюшкой, – наша гостья желает змеиного чая!

– Слушаюсь! – на том конце моментально бросились исполнять указание. Ну и дисциплинка у них... Подумала про себя Яна. Уже буквально через минуту дверь отъехала в сторону, впустив в палату давешнюю медсестру.

– Разрешите?

Негромко цокая каблучками, она прошла к столу с компьютером, установив на него две чашки ароматного, удивительно пахучего чая. Янтарная жидкость мерно блестела в лампах дневного света, источая аромат, от которого закружилась голова.

– Прошу вас... Вы свободны, товарищ Кошкина! – проговорил Координатор, указывая Яне место напротив себя. Пол неожиданно зашуршал, разъезжаясь в сторону. Стерильно белый пол открылся, поднимая наверх с помощью какой-то хитрой механики, еще один стул.

– Спасибо, – Красовская с жадностью схватила чашку, чуть не обжегшись.

– Возможно, очень горячий! – предупредил Координатор, насмешливо посматривая на нее из-под своих густых бровей. Неугомонная журналистка подула на чай и с наслаждением отхлебнула, сделав хороший глоток. Это был ни с чем несравнимый вкус. В нем, казалось, сочеталось все, что только можно было собрать в черном душистом чае. Аромат солнца, свежесобранных отборных листьев, высокогорного ледяного воздуха и жаркой пустыни. Он пах одновременно и чаем, и мятным взваром и еще чем-то карамельным, почти медовым.

– Ну и как вам змеиный чай? – улыбнулся Координатор, дождавшись пока Яна насладится первым впечатлением.

– Если честно, то великолепно, – похвалила справедливо журналистка, – почему змеиный? Надо было его назвать королевским! С таким-то вкусом... Неужели он делается из яда какой-то змеи? – невинно поинтересовалась она.

– Хорошая шутка! – похвалил ее Координатор, весело рассмеявшись. – Боюсь вас разочаровать, но нет... Просто его выращивают в Красном Змиеве, вот оттуда и название...

– Выращивают где? – чуть не поперхнулась Яна.

– В Красный Змиеве, – улыбнулся мужчина, – там построены огромные теплицы. Мощностей этого предприятия хватает, чтобы обеспечить весь Тивит данным продуктом.

– Тивит... Тивит... Тивит... – задумчиво проговорила Яна, на всякий случай пока отставив чашку с подозрительным чаем. – А что такое Тивит? Не пора ли вам объяснить все с самого начала?

– Что именно?

– Например, что такое Тивит? То вы такие? И зачем меня похитили?

Боюсь, Яна Викторовна, что это будет долгий рассказа... – заметил Координатор с легкой насмешкой в голосе, но Красовская не была бы лучшей журналисткой Харькова, если бы ее легко можно было смутить интонацией голоса.

– Ничего, – спокойно произнесла она. Закинув ногу на ногу в своем фирменном стиле, словно брала интервью у какого-то политического деятеля нашего города, – почему-то мне, кажется, что я сегодня свободна и спешить мне некуда...

11

Харьков 2019

Харьков начинал просыпаться. Серые предрассветные сумерки, когда еще слишком мало машин, когда потухшие витрины блекло смотрят своими черными провалами на опустевшие улицы, а редкие пассажиры толпятся в общественном транспорте, вступили в свои права. Где-то далеко медленно и важно занимался рассвет, освещая брусчатку центра города своими первыми, все еще робкими лучами восходящего солнца. Улицы пусты. Одиноким дворничихи в зеленых жилетках грустно метут узкие тротуары, и мир, кажется, словно вымер, оставив после себя лишь горькое послевкусие тишины и чувства какого-то сюрреализма. Через пару часов жизнь в этом городе, на первый взгляд казавшимся вымершим, снова вспыхнет, забьет ключом. На улицах зазвучат надрывно писклявые клаксоны иномарок. Загудят заводы, заработают магазины, зашагают по своим важным делам люди, все изменится, но сейчас эта тишина носила в себе нечто пугающее, будто предвестник очень нехороших, опасных событий. А может просто мне так казалось из-за звонка Максима? Такси уверенно лавировала сквозь узкие переулочки «сталинок» и «хрущевков», огибая особенно большие дорожные ямы, благо машин других на пути нам так и не повстречалось. Лишь одинокий грязный, еще советский, троллейбус, громко звякая всеми своими сочленениями, неспешно двигался в центр.

У подъезда расшагивал Максим, меряя ногами освещенный тусклой лампочкой, участок высокого крыльца. Лицо бледное, глаза, запавшие и впавшие, с огромными синими мешками над набрякшими веками.

– Спасибо! – поблагодарил я таксиста, расплачиваясь. Вместе с бензином и остальными тарифами у нас в городе подскочил и проезд на такси. И многие потеряли возможность пользоваться услугами данного вида транспорта, предпочитая быструю и удобную поездку, экономной давке в маршрутке или трамвае.

– Почему так долго? – мельком глянул на часы Максим, нервно дернув плечом. – Почти сорок минут.

– Извини, но вертолета под рукой не было... – буркнул я, закуривая свой «Кэмел». Ночь спать мне не пришлось. От кофе и табака во рту стало противно. Я сделал пару затяжек и выбросил окурочек в урну. Не лезло... Голова стала, как будто чугунная.

– Рассказывай...

– Тут? – удивился Макс.

– Хочешь, давай поднимемся? – предложил я. – мне, в принципе, было без разницы, где слушать гражданского мужа Красовской, просто потом будет просто необходимо подняться наверх, чтобы все как следует осмотреть и прощупать, не только обычным взглядом. Но внутренним магическим, который достался мне от Агриды, чтоб черти ее душу в котле до сих пор жарили.

– Пошли... – кивнул Макс, дергая дверь. Быстро поднялись, перепрыгивая через две ступеньки сразу. У двери на корточках сидел пожилой мужчина в сером клетчатом пальто и смешной старорежимной кепке. На его руки были нацеплены белые стерильные перчатки, на переносицы круглые очки. Рядом у ног стоял раскрытый чемоданчик, в котором я разглядел какие-то колбы, пакетики, рулетки и щеточки. Сейчас он увлеченно, чуть высунув язык, пытался снять отпечатки пальцев с двери. Заметив мой непонимающий взгляд, Максим тут же пояснил:

– Вызвал из отдела эксперта. Валентин Михайлович – замечательный специалист, лучший криминалист в области. Может он нам что-то сможет подсказать?

Чуть не вырвалось, что не сможет, но я сдержался. Вежливо улыбнулся, протянув руку, для знакомства. В ушах зазвенело чувство опасности, неприятно опустившись в пятки.

– Валентин Михайлович, – поздоровался старичок, заканчивая работу.

– Александр, – ответил я, пожимая крепкую ладонь.

– Уж не Дворкин ли? – улыбнулся эксперт. Сердце екнуло, испуганно сжавшись. Откуда он меня знает? Что это за эксперт? Неужели тут опять каким-то боком замешена инквизиция? Я-то, в отличие от Максима, точно знал, что Управление Министерства Внутренних дел по Харьковской Области лишь красивая вывеска, а вот внутри этой страшной организации работает те, для кого магия и волшебство не пустой звук.

– Да не пугайтесь вы так! – рассмеялся Валентин Михайлович, складывая склянки и пакетики в свой ящичек. – Я иногда люблю читать нечто легче, чем история криминалистики, а на ваших книгах позади обложки расположена фотография автора. А у меня профессиональная память на лица. Это сейчас у нынешней молодежи есть компьютеры с гигабайтами памяти, а раньше все было здесь, в голове... – он постучал себе куда-то в область виска. – Книги, кстати, неплохие!

– Спасибо, – покраснел я. Я знал, что Елена Эрнестовна затеяла переиздание моих шедевров, в отсутствии новых, но не был в курсе. Что теперь в каждой книжной лавке красуется моя физиономия. Слава Богу, что в городе очень мало людей, которые читают и бродят по этим магазинам. Иначе, в противном случае, мне пришлось куда-нибудь переезжать.

– Михалыч, ну что там? – нетерпеливо заерзал рядом Максим. – Удалось чего-то найти?

– Лапали вашу дверь знатно! – посерьезнел криминалист. – Отпечатков разных шаловливых ручек, хоть пруд пруди. Какие из них ваши, какие чужие еще предстоит выяснить. Но сам понимаешь...

– Понимаю, – грустно кивнул полковник.

– Если ты написал бы официальную заяву... А так ...

– Понимаю, Михалыч, но все равно спасибо! – Максим обернулся ко мне, открывая входную дверь пошире. – Ты, Саш, пока тут осмотришься, а я Михалыча до машины провожу...

Я кивнул, перешагивая через порог. Только внутри осознавая, что в который раз мое обостренное чувство опасности меня не подвело. В висках заломило острой болью. Во рту появился металлический привкус. Черт... Я пошатнулся, хватаясь ручкой за дверь. Голова отяжелела. Веки набрякли, закрываясь под своей собственной тяжестью.

– Саша... – под руки меня позади подхватил Максим, который успел подняться по лестнице, проводив криминалиста. – Ты чего?

– Секунду... – перед глазами комната поплыла, покрываясь клубящимся туманом, сквозь который я разглядел высокую фигуру крепкого мужчину в черной сутане и монашеском клубке. Он держал в руках что-то вроде кадила, говорил о чем-то со смутной фигурой Красовской и улыбался. Боль в висках стала нестерпимой. Рука поехала по обоям вниз, сдирая наклеенную плотную бумагу.

– Не ходи к нему... – прошептал я пересохшими враз губами, но Яна в моем видении не послушалась. Вместо этого она пригласила священнослужителя в спальню, распахивая дверь.

– Нет! Не надо...

Батюшка обернулся в мою сторону, даже сквозь туман было видно, что его глаза были закрыты темными очками хамелеонами. Он протянул руку ко мне, пытаясь коснуться.

– Сними очки, тварь! – заорал я, отшатнувшись к стене. Я существовал сейчас, как будто в двух измерениях одновременно. Такого со мной не случалось со времен покупки зеркала на Коммунальном рынке, которое запихнуло меня в Зазеркалье. Сознание отчаянно сопротивлялась. Я пятился назад от протянутой руки батюшки. В голове билась мысль, что мне ни в коем случае нельзя дать коснуться себя...

– Я тебе помогу... – голос твердый, суровый, совсем не похожий на монашеский больно резанул по ушам. Открытое бородатое лицо было уже совсем близко, только руку протяни.

А по другую сторону тумана меня поддерживал Максим, что-то крича, но я его не слышал практически.

– Сними очки, тварь! Сними! – бился в руках полковника, силясь вырваться из жесткого захвата.

– Сниму, тебе легче не будет! – рассмеялся священник. – Лучше пожми мне руку... Не бойся! Я такой же, как и ты... Человек!

– Ты бес! Бес! – закричал я. – Уходи я тебя не звал...

Ужас сковал мое тело. Я не мог пошевелить ни рукой, ни головой, ни отшатнуться от настырной руки, которая уже была совсем близко от моего лица. Из-за хамелеонов мелькнул робкий огонек пламени. В тот момент оно мне показалось дьявольским.

– Отче наш... – выдавил я из себя единственное, что смутно помнил из молитв. Рука дрогнула и резко отдернулась, словно обжегшись.

– Да святится имя твое! «Да будет воля твоя!» — прокричал я уже смелее, вырываясь из рук Максима, который в реальном мире не понимал, что происходит со мной, просто держал, чтобы в припадке я не разбил себе голову обо что-то из мебели. Он не мог видеть то, что видел я! Не был в этом жутком тумане воспоминания...

– Аминь! – закончил я читать молитву, истово перекрестившись.

Неизвестная фигура в сутане скривилась, съежилась, с легким хлопком исчезнув. Туман растаял, но теперь я уже не видел ничего. По ледяному лбу катились крупные капли пота. Тело, словно сломало, крутило все суставы, но я вяло попытался вырваться из крепких рук полиции.

– С тобой все в порядке? – с тревогой уточнил Макс, отпуская меня. Я съехал по стенке прямо на отодранные обои, стараясь восстановить дыхание.

– Да... Яну похитили! – теперь я это точно знал. И не только из-за видения в тумане, но и из-за ощущения магического следа в квартире. Он тянулся из спальни. Я с трудом встал, пошатываясь направился именно туда. Если все было именно так, как я увидел, то моя подруга в большой опасности. Тот, кто представился ей батюшкой, с церковью не имел ничего общего и опасностью от него веяло поистине жуткой.

– Саш... – окликнул меня Макс, указывая на отодранный довольно приличный кусок обоев. На стене крупными буквами белой краской были написаны непонятные сумбурные слова.

– Тивит... никогда землей не был... и быть не может... – прочитал я, с трудом фокусируя взгляд на надписях. Почерк был неровный, кое-где белая краска потекла, смазав весь фон.

– Что такое Тивит? – нахмурился муж Красовской.

– Если бы я знал... – прошептал ошарашено я. – Но догадываюсь, кто был в курсе...

– И кто?

– Я сейчас... – я бросился в спальню, откуда буквальным образом испарилась Яна не без помощи поддельного священника. Прикрыл глаза, используя всю свою силу, сканируя комнату, словно прибором ночного видения. Прямо над изголовьем, где лежали смятые подушки, напротив стены в воздухе висело кольцо портала, уже давно закрывшегося, но оставившего свой след в энергетической изнанке нашего мира. Временные кольца, открывающие дорогу в параллельный мир, еще светились красными огненными полосами. Такой я видел в Крыше мире, когда оттуда появился харьковский Ковен ведьм, бежавший от инквизиции в другой мир. Тогда, им удалось, благодаря оставленному маяку, найти дорогу домой, но как найти им с Максом правильную тропу, которая увела Красовскую на ту сторону.

– Что происходит? – мои размышления прервал муж журналистки, зашедший в комнату следом за мной. – Меня не оставляет ощущение какой-то нереальности происходящего... Какого-то бреда! Сна, после которого я проснусь... – он сел на край постели, обхватив голову руками. Я сочувственно покивал головой. Таким прагматиком, каким был он, очень сложно признать, что кроме их уютного, всем понятного мирка. Существует еще закрытый

от посторонних глаз Харьков, что есть изнанка, где не все так гладко, как кажется на первый взгляд, где вопрос не решишь, обычным звонком в полицию, где царит магия, не всегда похожая на сказочное волшебство. Волею судьбы мне пришлось столкнуться с этим миром, и я помню свое удивление, когда это произошло.

– Увы, это не бред...Янку похитил могучий маг, очень сильный, создав направленный портал в один из множества миров во Вселенной, – рассказал я, закуривая сигарету прямо в квартире, не спросив разрешения у некурящего хозяина, которому, впрочем, сейчас было абсолютно плевать на едкий дым ориенталовских табаков.

– Маг, как ты? – с надеждой спросил полковник полиции.

Я рассмеялся. Эта надежда меня знатно повеселила. Знал бы он, что Мишка у меня хранитель Книги Судеб, Дашка – Срединный маг, самый сильный на земле, владеющая обеими сторонами волшебства, а я наследовал в свое время способности ведьмы Агриды, вернувшейся в Харьков, примерно из такого же портала, как сейчас висел над их семейным ложем, несколько лет назад.

– Нет, я маг-самоучка. Моя магия – это инстинкты. Увы, но я не могу ей управлять, как многие другие, но почти такой же силы знакомый маг у меня есть, точнее магичка...

– Кто? – не понял Макс.

– Колдунья! – пояснил я, набирая номер Агриппины. – думаю, ей надо обязательно посмотреть на это все. А ты пока мне расскажешь, как все происходило...

– На том конце провода потянулись длинные гудки, а потом заиграла незамысловатая мелодия из моего детства про волшебника-недоучку. С чувством юмора у единственной выжившей колдуньи Ковена все было в порядке. Трубку Агрипка сняла где-то через минуту. Когда я уже совсем отчаялся дожждаться ответа.

– Дворкин? – изумленно полусонно проговорила она. Я взглянул на часы, мысленно укорив себя. Половина шестого утра...Все нормальные люди еще спят, наслаждаясь последними спокойными минутами. Все...Кроме меня.

– Доброе утро...

– С ума сошел? Ты время видел? – недовольно проговорила она

– Мне нужна твоя помощь!

– Прямо сейчас? – разозлилась ведьма. – А до восьми этот вопрос подождать не может?

– Красовская пропала...

– Что? – колдунья моментально проснулась, сбросив с себя остатки сна.

– Диктую адрес...

Рассказав Агриппине, куда ехать, я откинулся на спинку кровати, тяжело выдохнув. Напротив меня сидел полковник милиции, опытнейший человек, который поймал ни одну сотню особо опасных преступников, но сейчас его глаза были настолько удивленно-испуганными, молящими о помощи, что я не сдержался и рассмеялся, несмотря на всю опасность ситуации.

– Что теперь?

– Теперь остается ждать моего криминалиста, – сообщил я, – а пока ты мне расскажешь максимально подробно о том, что случилось с того момента в вашей квартире, как нас проводила Яна на такси. Слушаю тебя, товарищ полковник, уж извини, но сегодня вопросы задаю я...

12

Планета Тивит 2094 год

Тивитского летоисчисления

Тивитский чай был действительно недурен. Он придал Яне немного бодрости и свежести. Ломота в суставах ушла, оставив после себя лишь спокойную расслабленность. К тому же, от горячего кипятка она слегка согрелась. Ледяной холод металлической кушетки ушел, оставив после себя приятное тепло и вкус на губах чего-то медового на травах.

– У вас прекрасный чай! – похвалила она Координатора, отставив в сторону чашку.

– Спасибо... Мы долго работали над его рецептом. Можно сказать тысячи лет... – мужчина с бородой с грустью посмотрел в сторону, отведя пугающие глаза-огоньки.

– А теперь, после вкусного чаепития, может, все же расскажите, зачем вы меня похитили? – нахмурилась Красовская. Женщина представила, как сейчас волнуется Максим, как роет носом землю, организовав поиски по всему Харькову. Где это видано, чтобы из собственной закрытой квартиры, исчезали люди? В его, сугубо рациональном понимании, такое вряд ли могло укладываться. Вот, если бы он догадался позвать на помощь Дворкина, тогда бы другое дело... Верный друг непременно нашел бы способ вытащить ее отсюда, но настоящий полковник никогда не пойдет на это... Он для этого слишком самонадеян.

– А что бы вы хотели узнать? – улыбнулся хитро поддельный батюшка. – Что вас конкретно интересует? Я бы мог начать рассказ со времен сотворения мира, но маловероятно, что вам это будет интересно...

– Где я? – немного подумав, уточнила Ян.

– Вы в медицинском центре...

– Очень смешно...

– Хорошо, Яна Викторовна, я удовлетворю ваше любопытство, – кивнул Координатор, отставляя и свою чашку, приготовившись к серьезной беседе, – вы находитесь на планете Тивит!

– Тивит? Никогда не слышала... – нахмурилась журналистка, чуть не потеряв дар речи.

– Планета Тивит – это маленький брат вашей огромной земли, только многократно уменьшенный в размерах. На нашей планете есть атмосфера, пригодная для дыхания человека, города, инфраструктура... Нет стран... Страна у нас одна, имеющая точно такое же название, как и вся планета. Тивит! Вы сейчас находитесь в ее столице, городе Харьков-на-Немышле!

– Харьков на чем? – округлила глаза журналистка. В ее памяти сразу возникла узкая до краев захламленная и заиленная речка, проходящая недалеко от дома Дворкиных, заросшая по берегам густым камышом.

– Харьков-на-Немышле! А что вас смущает? – пожал плечами поддельный батюшка. – Я же говорил, что наша планета – всего лишь маленький брат вашей Земли.

– И столица у вас называется Харьков?

– Именно! На Немышле...

– Отлично... – кивнула головой Красовская, переваривая услышанное. – И как я сюда попала?

– Очень просто, как и все ваши собратья ранее. Порталом!

– Порталом?

– Обычным энергетическим порталом! Хотя, простите. Я знаю, что ваши технологии пока не дошли до такого рода перемещений в пространстве. Портал – это...

– Я знаю, что это!

– Знаете? – глаза Координатора пораженно расширились. – Вы удивительная женщина. Яна Викторовна. – Ну, раз знаете, то и объяснять тонкости квантовой физики вам нет необходимости.

– Зачем я вам?

– Для информации! Видите ли, моя дорогая, – Координатор впервые позволил себе в отношении ее некую фамильярность, которая больно резанула по ушам, – много лет назад, когда мир еще находился на стадии сотворения или что-то близко к этому. Появилось во Вселенной две планеты пригодные для существования человечества: Тивит и Земля были близнецами братьями. Только вот кому-то повезло оказаться здесь, а кому-то на Земле. И все было хорошо. Планеты развивались. Строились государства. Росли города. Только Земля, из-за большого количества живущих на ней, постепенно отставала от нас, переживая войны, глобальные катастрофы, эпидемии, периоды самоуничтожения...

– Самоуничтожение?

– А как назвать времена воин, инквизиции, репрессий?

– Наверное... – смущенно согласилась Яна.

– Долго мы жили порознь! Мы строили единое государство, вы стремились к власти и вымирали. Сейчас, я благодарен судьбе, что родился на Тивите, а не у вас... Все историю нас разделяла изнанка, некая материя между двумя мирами, не позволяющая двум цивилизациям столкнуться. Иногда, мне кажется, что это был чей-то большой эксперимент, вырастить два разных по типу человечества! Нас и вас!

– И что дальше?

– Дальше... Дальше вы полетели в Космос, достигли каких-то успехов, но утратили знания о нашем общем прошлом, – пояснил Координатор, – а вот мы, напротив... Все свои усилия положили на то, чтобы узнать, как поживает наш старший большой брат. Развивали энергетику, получали знания, учились... Когда наши знания достигли пика, и для нас не стало пространства, времени и расстояния, то мы впервые посетили вашу планету.

– Лет тридцать назад... – ошалело пробормотала одним губами Красовская.

– Откуда вы знаете? – удивился Координатор. – Да, примерно, столько лет прошло с нашего последнего посещения.

– Я живу в квартире того, кого вы посетили ранее! – сообщила журналистка, нахмутив брови. В ее голове непрерывно шел отчаянный мыслительный процесс. Она чувствовала, что где-то во всей этой истории кроется подвох, что-то этот благообразный экс-батюшка не договаривает, и не все так просто, как он рассказывает. Не зря Митусов сошел с ума, после общения с этими рептилиями.

– Как иногда причудливо повторяется история! – притворно улыбнулся Координатор. Хотя Яна была уверена, что дело тут было не только в истории. Она помнила, что когда ведьмы их Ковена возвращались после бегства в другие миры, то наводили портал строго по маяку, который им оставил в Крыше мира Бутус – их верный слуга. Тогда Алаида уверяла, что если бы Инквизиции удалось бы добраться до скульптуры Бутуса, которая и была маяком, то выбраться с той стороны, им было бы не суждено никогда. Неужели, у Тивита есть такие технологии, имеющие возможность строить самонаводящиеся порталы? И если такие технологии есть, то почему они в который раз появились в той же квартире, что и в восьмидесятые годы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.